лель-ревю

4'98

ИЗ ВСЕХ ИСКУССТВ ВАЖНЕЙШИМ ЯВЛЯЕТСЯ ИСКУССТВО ЛЮБВИ

Инна ГОНЧАРОВА

ДЫХАНИЕ ВЕСНЫ

Вечером, когда они, держась за руки, возвращались со стоянки домой, было колюче-холодно и неуютно.

Темный подъезд старого дома — широкая лестница, разбитое окно, в которое бесцеремонно врывается февральский ветер, знакомая дверь, оббитая дерматином.

— Кофе пить будешь?..

Ответа не требуется, и вот уже черный колумбийский кофе пенится в приличествующей ему емкости.

Он медленно разливает кофе по маленьким чашечкам — это уже сложившийся ритуал — и садится напротив. Кофе обжигающе хорош — он и не может быть иным.

Порыв ветра стучит в оконное стекло, за которым видно черные ветви деревьев, и Он неловким нежным движением убирает со лба Ее непослушную рыжеватую прядь. Она смущенно улыбается в ответ, и Ее многоцветные глаза широко раскрываются навстречу Его грустному пытливому взгляду.

Как все нереально: нереален кофе с привкусом экзотической горечи, нереальна тишина вечернего Города — и нереально присутствие их самих в этих обветшалых стенах, служащих им кораблем в море житейских неурядиц и проблем.

Тихо работает компьютер, иногда выказывая легкое неудовольствие производимому над ним насилию, тут же жестоко подавляемое сознательными клетками нераскрытого и непостигнутого человеческого мозга.

И нет сил противиться вихрю страстей. Да и нужно ли противиться?

И уже никто в мире не может им помешать: ни ветер, стучащий в окно ветвями деревьев, ни телефон, провод которого решительно выдернут из розетки, ни урчащий звук работающего компьютера, ни даже маленький пейджер, глупо глядящий в потолок своим единственным безжизненным глазом.

Она чувствует на шее холодное прикосновение двух переплетающихся крестов и всеобъемлющую нежность, окутывающую Ее туманом ирреальности всего происходящего.

Фото Сергея КОШЕВАРОВА

Живая влажная трепетная плоть открывает свои объятия навстречу мужской настойчивости и силе, несущей наслаждение, — приятнее отдаваться, чем брать! — и наступает этот удивительный миг, когда из двух отдельно взятых половинок слепливается непонятное и пугающее своей нагой новизной единое целое.

На мониторе мелькают цифры, в ванной комнате льется в умывальник невыключенная вода — и, словно в предсмертной агонии, равномерно и торжественно устремляются навстречу друг другу разгоряченные, изнывающие от ощущения предстоящего блаженства тела. Все растворяется в этом фатальном стремлении друг к другу: разрывающие ум бесчисленные проблемы, время, которое неминуемо приведет к концу, и даже пространство комнаты, на недолгий срок превратившееся во Вселенную.

И исторгнутый из груди крик!..

— Тебе было хорошо? — Он склоняет над Ее спутавшимися волосами свое лицо в крупных каплях пота — одна не удержалась и тяжело упала на Ее губы, и Она почувствовала ее горечь.

Она молчит в ответ. Разве нужно что-то говорить?

— Тебе было хорошо, — уже утвердительно и уверенно говорит Он, целуя Ее шею и нежную грудь, еще порывисто колышущуюся от испытанного наслаждения.

«Да, да, да!!!» — говорят Ее глаза и руки, скользящие по Его горячему телу.

— Я так этого хотел!

Она лишь молча улыбается в ответ.

Устало и натруженно кашлянул компьютер.

Мужчина приподнимается на локте, оглядываясь вокруг и возвращаясь снова в мир реальности.

— Интересно, что они, все эти вещи, думают про нас? Они ведь всё понимают. Телевизор, одиноко скучающий на полу, наверное думает: «Как меня унизили, забрав из-под меня журнальный столик и переместив на пол. Вон этот хмурый, вечно озабоченный чем-то компьютер, стоит на большом столе, предоставленном одному ему в полное распоряжение». А умный факс, по-японски аккуратно самотестирующийся ровно в шесть часов утра — ни минутой позже, ни минутой раньше, — вероятно, по-стариковски осуждает ветреные порывы загадочной славянской души. Лучше всех себя чувствует телефон «Панасоник» — он тоже азиат, но дольше всех со мной и должен все понимать...

Она с улыбкой слушает этот озвученный поток сознания и заглядывает в Его на короткий миг утратившие обычную холодность и жесткость глаза.

— Теперь, наконец, я вижу тебя таким, какой ты есть, — шепчут Ее губы, принимая на себя шквал горячего долгого поцелуя.

Он опять приподнимается на локте:

— Только ты... — Затем оборачивается на звук прекратившего работу компьютера. — Закончилась программа. Нужно запустить новую, чтобы дать пищу неустающей компьютерной голове.

Она кивает головой, хотя не хочется размыкать влажные объятия и отпускать Его хотя бы на минуту.

По темной лестнице они спускаются на улицу. Тяжело хлопает под порывом ветра старушка-дверь.

Небо уже поглотило звезды и укрыло Город пеленой тумана.

В воздухе пахнет Весной.

(Продолжение на стр. 28)

®лель-ревю

ИЛЛЮСТРИРОВАНЫЙ ЖУРНАЛ
ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
И ИСКУССТВА
О ЛЮБВИ

№ 4 (27) 1998

Основатель и издатель — фирма "Деркул"
(свидетельство о регистрации:
серия КВ, №849 от 22.07.94).
Журнал издается с января 1994 года.

Главный редактор
СЕРГЕЙ ЧИРКОВ.

Редактор отдела литературы
ВЛАДИМИР МИТРОФАНОВ.

Редактор отдела фольклора и литературных раритетов
НИКОЛАЙ СУЛИМА.

Начальник компьютерного центра
ВЛАДИСЛАВ ЧИРКОВ.

Литературный редактор
ВАЛЕНТИНА МИТРОФАНОВА.

Макет Владислава Чиркова.

На 1-й и 4-й стр. обложки—
фото Николая Демченко;
постер — фото Александра Задираки

Подписано к печати 11.06.98
Тираж — 16000 экземпляров.
Цена договорная.

Адрес редакции: 254119, Киев-119,
ул. Дегтяревская, 38—44, "Лель-ревю".
Телефон/факс: (044) 211-02-68.

Сканирование и обработка
иллюстраций, набор, верстка
компьютерного центра фирмы
"Деркул".
Тел.: (044) 211-06-90.

Печать — УкрНИИСВП
ул. Киото, 25

Индекс 74288.

НЕВЕРОЯТНЫЕ СЕКСУАЛЬНЫЕ ПРИ

НЕ ВОШЕДШИЕ В КНИГУ О НЕМ

Моя страсть к противоположному полу проявилась необычно рано, что читателям может показаться удивительным. В годовалом возрасте, когда ребенок не то что разговаривать, а и передвигаться как следует не научился, я совершил, и небезуспешно, половой акт со служанкой, взятой родителями из деревни специально для присмотра за мной.

Гретхен, так звали служанку, была немного с придурью, зато пышнотела и пышногруда, что в глазах ее ухажера Франца с лихвой искупало куда более значительные недостатки. Это был бравый малый в сапогах и с такими пышными усами, что в гуще их могли бы без труда укрыться несколько влюбленных парочек. Служил он то ли трубочистом, то ли конюхом, — за давностью не припомню, а врать не в моих правилах, — и Гретхен использовала любой предлог, чтобы под видом прогулки со мной улизнуть из дома, ибо настоящей ее целью была близлежащая роща, где в полной боевой готовности ее поджидал усатый кавалер.

Пока они занимались любовью, я мирно посапывал в своей колыбельке, и понадобилось немалое время, прежде чем из бесстрастного наблюдателя превратился в заинтересованного зрителя. С тех пор я тоже с нетерпением дожидался прогулок в рощу, а возникающие к тому препятствия сметал неистовым ревом. Таким образом, я как бы оказался в негласном сговоре с Гретхен, совместными с ней усилиями отстаивая общие интересы: она — чтобы снова оказаться в сладострастных объятиях, я — насладиться греховным зрелищем. Последствия не замедлили сказаться. Как-то вечером, когда ничего не подозревающая Гретхен готовила меня ко сну, я обхватил ее могучую талию своими детскими, но отнюдь не слабыми ручонками, втащил в кроватку и повторил все то, что проделывал с нею неутомимый Франц.

Дуреха сначала ничего не могла понять, потом пришла в ужас, но у нее достало сообразительности не шуметь, чтобы самой же не оказаться виноватой. Думаю, немалую роль сыграло нежданно-негаданно свалившееся на нее удовольствие. С тех пор она охотно делила себя между мной и усачом, пока однажды среди ночи не была поймана подозрительной матушкой буквально за ноги в постели моего отца. С изгнанием девицы я остался один на один с проблемой пола, которую мне предстояло решать в меру своих сил, возможностей и способностей. Как я справился с такой нелегкой задачей, можно судить по тому, что мои любовные похождения наделали много шума, и те, кто не поленится перелистать подшивки европейских газет времен моей молодости, легко смогут в том удостовериться.

Надо ли удивляться, что любовные истории, в которых я был замешан, плавно переходили одна в другую, так что порой я не мог сообразить, началась ли новая или все еще продолжается старая. Особенно забавный случай произошел, когда я служил в русской армии. Наш гусарский полк был размещен на зимние квартиры в небольшом провинциальном городке Н., что для тамошних дам и барышень явилось событием поистине из ряда вон выходящим. Уже при вступлении в город мы были завалены цветами более, чем снегом, — удовольствие для русских весьма и весьма дорогостоящее. Стоило гусару появиться на улице, как его тут же окружал рой поклонниц, так что несчастный становился жертвой безудержных страстей, до времени усмиряемых и дождавшихся наконец повода вырваться наружу.

Женщины гроздьями висели на наших шеях, и стащить их оттуда могли лишь поклонницы понастырнее. А ведь репутация гусар далеко не столь безупречна, как у какого-нибудь цивильного превосходительства, да и здравый смысл, если бы к нему пожелали прислушаться, легко подсказывал, что гусары — народ неверный: сегодня они здесь — завтра там, сегодня трезвы — завтра пропьют или проиграют в карты саблю и лошадь, сегодня живы — завтра полковой священник отправит по ним панихиду. Но с таким же успехом можно внушать кошке, что мыши вредят ее пищеварению.

Как это повсеместно принято в России, по случаю прибытия гусар в доме городского головы в честь командира полка и офицеров был дан бал, женскому роскошеству которого могли бы позавидовать лучшие европейские столицы. Некоторые из дам были до такой степени обнажены, что могло показаться, будто наряд им заменяет блеск свечей. Надо ли удивляться, что мужчины из гражданского сословия страшно ревнивы к тому предпочтению, которое дамы отдают военным, и нет таких каверз, да и просто пакостей, каких они не учинили бы своим заклятым врагам.

Не обошлось без коварства с их стороны и на сей раз. Не имея иных возможностей отвратить своих легкомысленных подруг от воздействия гусарских чар, тамошние мужчины сговорились напоить гусар допьяна, для вящей убедительности подсыпав им в шампанское снотворного. Обычно гусары напиваются до полного бесчувствия... своих собутыльников, но на сей раз после пяти-шести бокалов славные рубаки вповалку полегли посреди

КЛЮЧЕНИЯ БАРОНА МЮНХГАУЗЕНА

ПО ЦЕНЗУРНЫМ СООБРАЖЕНИЯМ

большой залы, которая стала весьма напоминать поле битвы после поражения одной из армий. Только я каким-то чудом сумел удержать равновесие, поскольку для моего организма пара-тройка лишних бокалов, хотя бы даже и с ядом, все равно что леденец для младенца.

Но самое удивительное зрелище являл вид торжествующих заговорщиков и отчаявшихся женщин. Дамы обливались горючими слезами, ибо рухнули все их надежды и намерения, связанные с гусарами. На мужчин, пытавшихся их успокоить и предлагавших свои услуги, они обрушили град ругательств, столь необычных в устах слабого пола, что зловредные отравители совершенно опешили и практически без сопротивления позволили вытолкать себя взашей, после чего взоры прекрасных сирен обратились на меня — как на единственного их спасителя. Эта безыскусная немая мольба была столь красноречива, что мне не оставалось иного выхода, как если и не помочь их горю, то хотя бы несколько смягчить его.

Но мог ли я один быть полезен всем? Женщин было не меньше сотни, и при том каждая могла бы дать фору сразу нескольким моим немецким соотечественницам, тоже не замеченным в особых добродетелях. О француженках и англичанках я вообще не говорю. То немногое, на что их хватает, не идет ни в какое сравнение с доблестями обитательниц затерянных в снегах русских селений.

Так что, на первый взгляд, возможность удовлетворить всех представлялась неосуществимой. В поисках выхода я велел нетерпеливому женскому воинству рассредоточиться в одну шеренгу, а когда это требование было худо-бедно выполнено, объявил, что самым младшим и самым старшим придется отправиться по домам, поскольку я, хотя и по разным причинам, предпочитаю не иметь с ними дела.

И что бы вы думали: ни одна не пожелала признать себя ни слишком молодой, ни слишком старой! Видя, что спорить бесполезно, я объявил, что берусь удовлетворить лишь каждую десятую. Крики и шумные протесты были мне ответом. Конфликт грозил вылиться в сопротивление властям, и тогда я, во избежание худшего, объявил, что готов отдать себя на заклание. В конце концов, гусарскому сердцу одинаково доступны и жалость, и такое, тогда еще не совсем отмершее, понятие, как офицерская честь.

Меня усадили в довольно просторное кресло в стиле ампир, а дамы одна за другой подходили ко мне и, задрав кринолины, усаживались ко мне на колени; остальные не без интереса наблюдали за происходящим, дожидаясь своей очереди. Сначала все шло превосходно, но примерно на пятом десятке я почувствовал утомление, довольно скоро перешедшее в апатию. И хотя милые дамы время от времени меня подкармливали, но о том, чтобы дать мне передышку, не желали и слышать. «Нас много, — беспокоились они, — и никому не известно, когда дойдет очередь до последней».

Ко всему прочему, я заподозрил неладное и, приглядевшись, сообразил, что некоторые особенно ловкие женщины пользуются моими услугами по нескольку раз, — как я впоследствии выяснил, покупая место в очереди за немалые деньги. И хотя уличать их в обмане мне не доставляло удовольствия, я был вынужден к тому в интересах собственного здоровья, чем вызвал панику среди провинившихся и гнев пострадавших.

Между тем моя мысль настойчиво изыскивала радикальные средства выхода из критической ситуации, и трудно сказать, до чего бы я додумался, не приди мне на подмогу само Провидение. Поскольку с момента усыпления гусар прошла практически целая ночь, они стали понемногу выходить из состояния спячки и тут же устремлялись мне на выручку. Когда все дамы перешли в руки моих однополчан, я, никем не замеченный, отправился на квартиру, отведенную мне для постоя; и, едва войдя, рухнул, обессиленный, на руки денщика, коим и уложен был в постель. Проспав почти сутки, я обнаружил при пробуждении рядом с собой на подушке очаровательную головку, глядящую на меня с такой мольбой, как если бы речь шла о жизни и смерти, а не обычном в гусарской практике гуманитарном акте скорой сексуальной помощи. Красота и грация незнакомки мгновенно вернули мне силы, казалось бы, столь основательно подорванные.

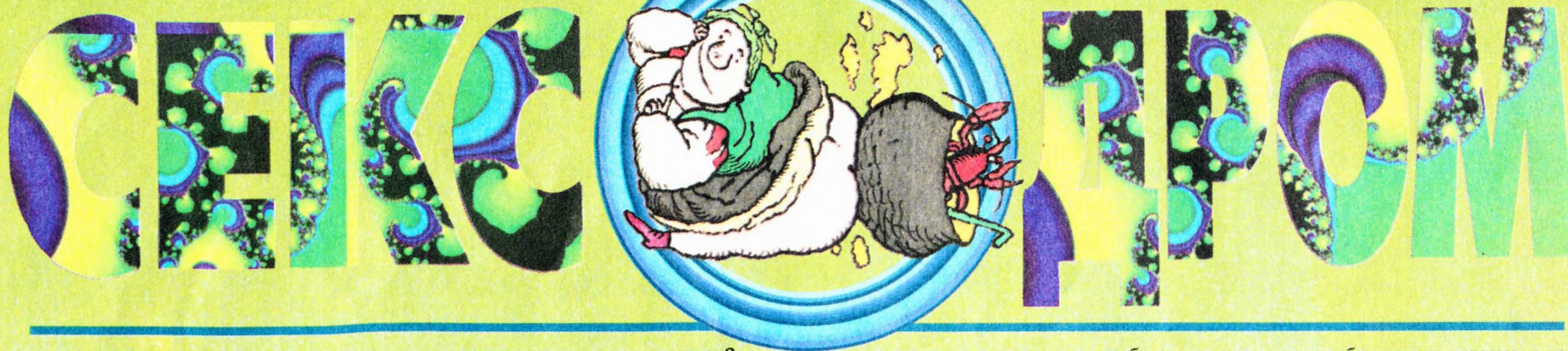
— Кто вы? — спросил я.

— Та, чья очередь так и не наступила, — последовал ответ.

А потому, когда принесший обед денщик нарушил наше уединение, я так рассвирипел, что запустил в него панталонами моей визави, лишь случайно не нанеся ему тяжкой травмы, и заорал не своим голосом: «Пошел вон, болван! Не видишь разве, я занят!» За что и был награжден самым прелестным поцелуем, какой только доводилось испытывать смертному, и, разумеется, прочими телесными радостями, распространяться о коих не стану, поскольку это сюжет из другой оперы и к происшествию, описанному выше, имеет лишь косвенное отношение.

Перевод и публикация
Бориса Иоселевича

Луи МОРЕН (1851 — начало XX в.). Свидание в будуаре

СЕГОДНЯ НА ВОПРОСЫ ЧИТАТЕЛЕЙ ОТВЕЧАЕТ АМЕРИКАНСКИЙ СЕКСОЛОГ Джудит ШВАРЦ.

НА НАШЕМ СЕКСОДРОМЕ ВСЕ ЖЕЛАЮЩИЕ — ПАРЫ ВЛЮБЛЕННЫХ ИЛИ ПРИНЦИПИАЛЬНЫЕ ОДИНОЧКИ — СМОГУТ УБЕДИТЬСЯ В СВОИХ ЗНАНИЯХ, ПРИОБРЕСТИ НОВЫЕ, ЧТОБЫ СО ВРЕМЕНЕМ ПРОВЕРИТЬ ИХ ПРАКТИКОЙ.

ВЕРНО ЛИ, ЧТО:

... женщина ищет постоянства, а мужчина — разнообразия?

Верно. Как это ни парадоксально, физическое строение позволяет женщине сменить хоть десять партнеров за ночь, но она предпочитает одного-единственного. И не только на ночь — а на всю жизнь. А мужчина, возможности которого куда как более ограничены, стремится завести как можно больше любовниц. Почему так? Что касается женщины, то все дело в инстинкте самосохранения. Сколько бы ни было у нее мужчин, беременеет она только от одного. Женщина хочет быть уверена, что не останется одна с ребенком на руках, что отец ребенка поможет ей — и материально, и морально. Мужчина же ни о чем таком не беспокоится и постоянно ищет новые ощущения и новые возможности самоутвердиться. Подобная сексуальная любознательность заложена в мужчине самой природой, заботящейся «о размножении и выживании видов»: то есть чем больше у мужчины партнерш, тем больше у природы шансов на новое потомство. Женщину же природа наделила инстинктом материнства.

... женщины ревнивее мужчин?

Неверно. И женщины и мужчины ревнуют в равной степени — но поводы для ревности у них разные. Мужчина больше всего боится физической измены, а женщина — духовной. То есть для женщины сам факт половой близости значит куда меньше, чем для мужчины, и чисто физическую измену она прощает легче, чем он. Мужчина вообще редко способен пережить и простить такую измену женщине, не понимая, что для нее главное — любовь, а не половые отношения, к которым она тоже относится совсем не так, как он. Почему? Ответ, опять же, кроется в природе. Она создала мужчину для физических свершений и побед над стихией, наделив его стремлением к самоутверждению. Поэтому физическая измена женщины воспринимается им как собственное поражение. Склонный доминировать, ограниченную, по сравнению с женской, потенцию он воспринимает как свое слабое место, куда и наносит удар женщина. Ревнуя, мужчины легко впадают в неконтролируемую ярость и становятся очень агрессивны (большинство убийств в семьях совершается на почве ревности). Напротив, инстинкт материнства и сохранения семьи заставляет женщину избрать другую тактику: она делает все, чтобы выглядеть самой желанной и отвлечь его от мысли искать приключения на стороне. А если у нее появляется конкурентка, то старается избавиться от нее всеми возможными способами.

... мужчин чаще, чем женщин, посещают сексуальные фантазии?

Верно. Исследования показывают, что мужчинам сексуальные фантазии приходят в голову по крайней мере в два раза чаще, чем женщинам. Кроме того, различается и природа этих фантазий: у мужчин они вполне конкретны и посвящены в основном недвусмысленным половым актам, у женщин же наполнены романтикой и чувственностью. Он мечтает о том, как ее раздевает, она же рисует в своем воображении картину предзакатной прогулки с ним на яхте и долгих, неторопливых ласк любви.

... с помощью одного лишь воображения женщина способна довести себя до оргазма?

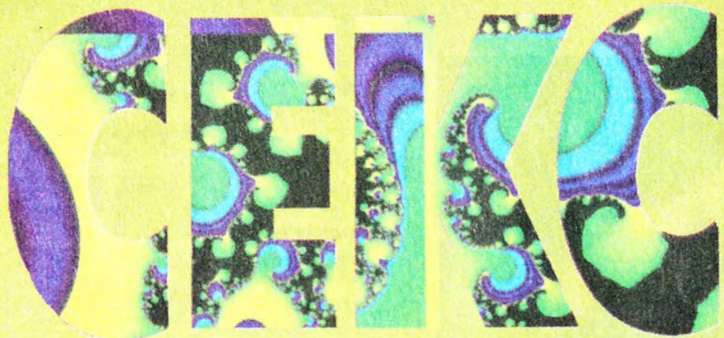
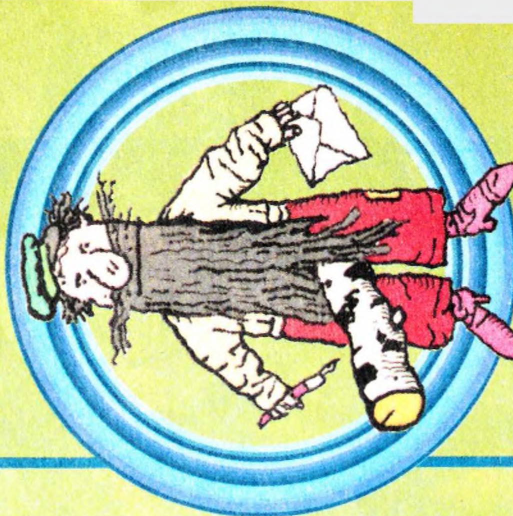
Верно. При изучении женщин с повышенной сексуальностью выяснилось, что большинство из них способно достигать оргазма без всякого физического вмешательства. Визуальное или воображаемое эротическое действие постепенно доводило их до самопроизвольного оргазма. Испытать оргазм от визуального возбудителя способны и юноши, но с годами эта способность утрачивается.

... женщинам легче достичь оргазма, чем мужчинам?

Неверно. Как показывают исследования, большинству молодых мужчин достаточно трех минут энергичного полового акта, чтобы достичь оргазма, в то время как большинству женщин для этого нужно в среднем около тринадцати минут. Подобная мужская прыть может быть объяснена особенностями сексуального строения организма. Эякуляция для мужчин — настоятельная необходимость: накопившаяся в семенных железах сперма ищет выхода. Женщины аналогичной физической потребности освободиться от семени не испытывают. Их организм так устроен, что им нет нужды ни сдерживать, ни торопить эмоции, они вполне могут отдаться приятным ощущениям.

... женщины, в отличие от мужчин, могут иметь множество оргазмов подряд?

Смотря по обстоятельствам. Конечно, женщина при соответствующем настроении и обращении может испытывать один оргазм за другим, но часто случается, что, в отличие от мужчины, она не успевает дойти до оргазма. Мужчины же после эякуляции нуждаются в некоторой передышке перед следующим раундом. Этот период восстановления сил может длиться от нескольких минут до нескольких часов — в зависимости от возраста и обстановки. Однако некоторые мужчины умеют увеличивать продолжительность полового акта, сознательно придерживая эякуляцию и испытывая несколько микрооргазмов,

СЕКСОДРОМ

прежде чем полностью отдаться на волю страсти.

... женщины получают от секса больше удовольствия, чем мужчины?

Неверно. Нет такого мерила, способного определить, какое ощущение «больше». Они попросту разные. И потому мужчин пугает глубина и сила женского наслаждения, а женщины завидуют способности мужчин мгновенно зажигаться от страсти.

... мужчины не могут симулировать оргазм?

Неверно. В отличие от большинства мужчин, вынужденных сдерживать себя, чтобы дать время партнерше достичь оргазма, встречаются мужчины, которые, сколько бы ни длился половой акт, порой никак не могут достичь оргазма. Иногда они предпочитают симулировать его, чтобы избежать длительной гонки за облегчением. Фактически женщина не способна ощутить во время полового акта, состоялось ли извержение семени.

... размер пениса партнера не имеет для женщины никакого значения?

Не совсем верно. Это все равно, что сказать, будто женщине безразлично, какое у мужчины лицо или фигура. С незапамятных времен сексологи утверждают, что женское наслаждение и размер пениса — вещи никак не связанные и что в состоянии эрекции все пенисы оказывают одинаковое воздействие. На самом деле все это говорится исключительно для того, чтобы потешить мужское самолюбие. Насчет воздействия — это правда, но как все пенисы различаются длиной, толщиной и формой, так и все женщины — личными пристрастиями. Одну вид большого пениса возбуждает, другую же — пугает. Однако и сексологи, и женщины сходятся в том, что размер пениса — далеко не самое главное качество хорошего любовника.

... от рождения все люди одинаково сексуальны, различия привносят воспитание и общественная среда?

Неверно. Некоторым людям природа даровала повышенную сексуальность. Сексуальные потребности и интересы у всех людей чрезвычайно разнообразны. В точности науке пока неизвестно, почему одни люди рождаются более сексуальными, а другие — менее, но совершенно точно, что воспитание или общество тут ни при чем.

... трудности с эрекцией вызываются психологическими причинами?

Не совсем верно. В абсолютном большинстве случаев это так и есть, но бывают расстройства и физиологического характера. Последние исследования показали, что на эрекцию могут влиять и гормональные нарушения, а еще чаще — нарушения правильного кровообращения в губчатых тканях пениса. К счастью, современная медицина все эти беды легко излечивает. Тем не менее, прежде, чем бежать к врачу, учтите, что любой нормальный мужчина время от времени испытывает трудности с эрекцией из-за стресса, неприятностей, переживаний, беспокойства, комплексов, да и просто из-за переутомления.

... сексом лучше заниматься, когда свет погашен?

Смотря по обстоятельствам. Многие женщины предпочитают заниматься любовью в темноте, поскольку, по их мнению, это создает волнующую и романтичную атмосферу, а также помогает фантазии. Но главное, множество женщин сомневается в своей внешности, и темнота дает возможность не беспокоиться о видимых недостатках (реальных или мнимых). Мужчины, как правило, предпочитают освещение. Во время полового акта им нравится видеть партнершу. И все же, если он и она чувствуют себя друг с другом в постели вполне уверенно и комфортно, тогда освещение сексу не помеха.

... если появились извращения (пусть даже самые невинные), значит, любви пришел конец?

Неверно. У каждого свои представления об эротике. Если разыгрывание маленьких сексуальных спектаклей вам обоим доставляет удовольствие — ну и на здоровье. Когда секс теряет прелесть новизны, партнеры часто начинают искать в нем новые пути — чтобы поддерживать друг в друге эротический интерес.

... женщин эротические фотографии не возбуждают?

Неверно. Мужчины, конечно же, на визуальные возбудители реагируют вполне конкретно — у них появляется эрекция. Однако женщины тоже любят рассматривать эротические картинки, вызывающие у них сексуальные фантазии.

... у мужчин и женщин равноценный набор эрогенных зон?

Верно. Как мужское, так и женское тело изобилует участками, прикосновение к которым вызывает сексуальное удовольствие. Многие женщины говорят, что все их тело — одна большая эрогенная зона. Мужчины могли бы сказать то же самое, но их беда в том, что они излишне сконцентрированы на своем пенисе и оттого не всегда способны получить максимальное удовольствие.

Перевел с английского
В. БРОДСКИЙ

ЗАНЯТИЯ НА СЕКСОДРОМЕ ПРОХОДЯТ ПОД ПРИСМОТРОМ ОПЫТНЫХ ТРЕНЕРОВ — ЛУЧШИХ МИРОВЫХ И ОТЕЧЕСТВЕННЫХ СЕКСОЛОГОВ. ЖДЕМ ВАШИХ ПИСЕМ С ВОПРОСАМИ.

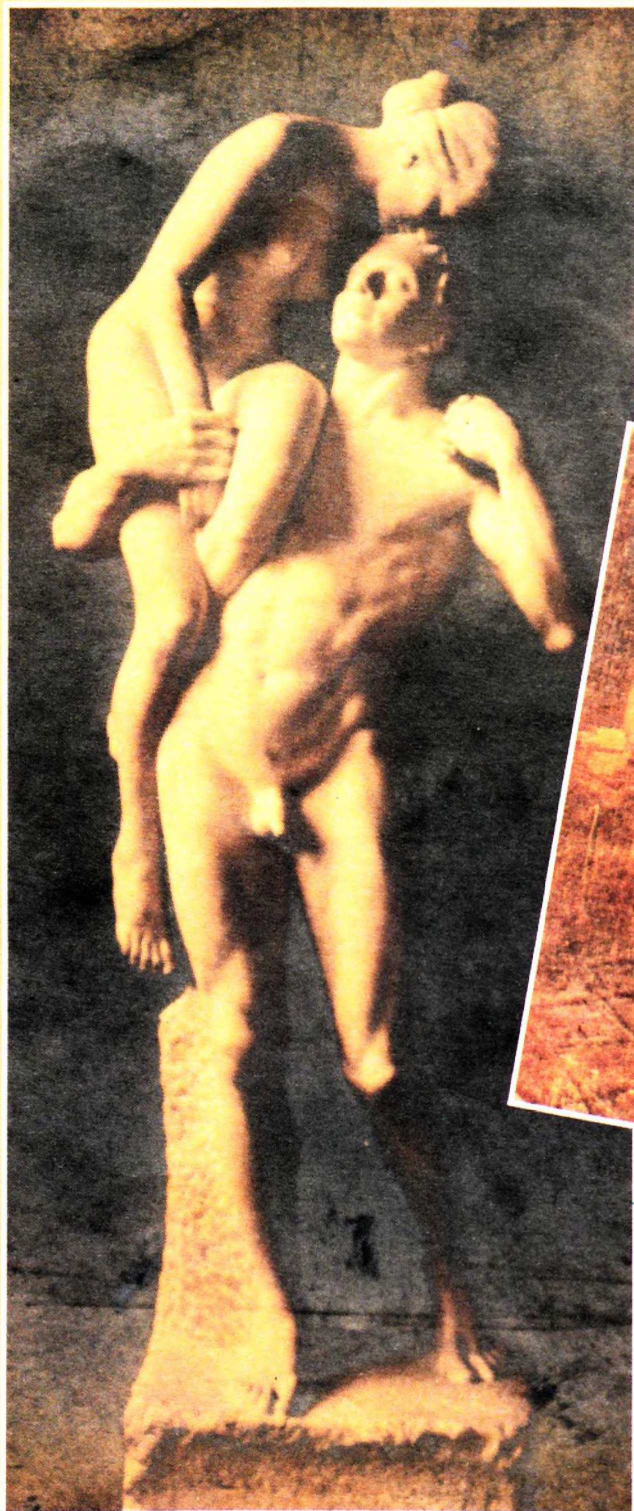
НЕПРИЛИЧНЫЕ КАЛЕНДАРИ

Ярослав ГАШЕК

С девяти часов вечера, когда привезли и пихнули в одиночку последнего пьяного, и до часу ночи начальник полицейского участка Алеш страшно скучал. Он думал о том, что до шести утра, когда его сменят, придется просидеть над протоколами и дежурным журналом, потому что, как назло, никто из полицейских его смены не играет в «козыри».

Пока что он прилег на койку, закурил трубку и начал разговор с подчиненными о политике. В такие минуты он бывал непреклонен и чужд всяких колебаний, ну просто этакий австрийский Катон! Он ругнул Италию и выразил ей свое недоверие, а полицейские, лежавшие на койках, благоговейно слушали его, потому что сами отнюдь не отличались такой определенностью взглядов.

— Тройственный союз развалится, в этом можно не сомневаться. Из-за Триеста и Триента мы еще не оберемся неприятностей. — Алеш вздохнул и стал искать спички. Когда ему подали коробок, он снова закурил трубку и объявил, что в Милане, в Турине и даже в Риме итальяшки то и дело демонстративно сжигают австрийский флаг. Они еще поплатятся за такие выходки, будет им новая Кустоца.

Алеш разглагольствовал все с большим пылом, а молодой полицейский Павелка тем временем захрапел. Начальник разбудил его, крича, что Австрии грозят международные осложнения и каждый австрийский гражданин обязан...

В этот момент с улицы вошел полицейский Декл и, рапортуя, вытянулся в струнку. Алеш недовольно встал, принимая рапорт.

— Ich melde gehörsam, nix Neues[1], — доложил Декл. — Непристойный календарь konfisziert[2].

[1] *Разрешите доложить, ничего нового.*
[2] *...конфискован (нем.).*

Изъято сто двадцать экземпляров. — Тут официальное выражение исчезло с лица Декла, и, победно усмехнувшись, он продолжал: — Великая похабщина, господин вахкомендант, потеха, да и только! Такие скоромные картинки, просто загляденье!

И он положил пакет на стол. С начальника скуку как рукой сняло.

— Дайте сюда эту гадость!

Полицейский развернул пакет и подал один экземпляр начальнику. Вокруг тотчас столпились все подчиненные.

— Здорово, — сказал один, глядя на обложку. — Ишь, какие бедра!

— Вот видите, — сурово сказал Алеш, — и на такие вещи смотрит молодежь, еще не доросшая до школы. — Но тут голос его смягчился. — Ого-го, а другая-то... Ну и глазки! И совсем голая!

— Погодите, дальше еще хлестче будет, — заметил Декл.

— И эта недурна...

— Не спорьте, приятель, вон та картинка, рядом, куда забористей. У той бабы бедра покруче... а что за поза, ишь как развалилась на кушетке! Ах, негодяи, какие вещи рисуют!

— Вы, господин начальник, прочтите стишок под рисунком. Очень недурно.

— Славный стишок, да какой двусмысленный! И что за бесстыдники пишут такие вещи и дают в печать! Дети идут в школу и по дороге видят в киоске такой календарь! Как бишь это называется, черт подери?

— Порнография, господин начальник, — подсказал Павелка.

— Ужасные вещи... но до чего здорово нарисовано! — сказал полицейский Мика. — Вот, например, эти панталоны...

— И подпись неплоха: «Нравлюсь я тебе больше в панталонах или без них, мой дорогой?»

— По-моему, без них лучше. Как вы думаете? — весело обратился начальник к подчиненным. — И чего только эти похабники не выдумают!

— Осмелюсь обратить ваше внимание, господин вахкомендант, на предпоследнюю страницу... вот,

здесь...
балерина в ванной. Совсем голая и слуга подает ей простыню...

— Отлично... М-да. Вот я и говорю: надо беспощадно конфисковывать такие вещи. Полагаю, что если обойти все киоски, найдется еще что-нибудь подобное. То-то порадуется завтра наш комиссар Пероутка.

II

— Осмелюсь доложить, господин полицейский комиссар, вчера в киосках были конфискованы календари непристойного содержания. Вот один экземпляр. Особо обращаю ваше внимание на предпоследний рисунок —«Балерина в ванной». И потом вот это: дама на кушетке... Рисунок на обложке, несомненно, нарушает закон об общественных приличиях... и, по-моему, понравится господину старшему комиссару. Я разрешу себе отправить ему один экземплярчик. Соблаговолите обратить внимание на непристойности, отчеркнутые красным карандашом... Странички с особо выдающейся похабщиной я заложил бумажками, чтобы вам не искать... Вопиющее неприличие вы увидите на тридцатой странице. Хороша также серия «За стенами гарема»; здесь не только порнографический текст, но и отличные рисуночки: одалиски лежат на тигровых шкурах, а бедняк евнух сторожит их.

— Послушайте, — сказал полицейский комиссар Пероутка, рассматривая календарь. — Надо показать это и господину советнику. Он на этот счет тоже любитель.

III

Календари имели успех. Два взял старший комиссар, а три — советник юстиции. Делопроизводители взяли по одному, остальное разошлось среди сотрудников управления. Полицейские бдительно разыскивали и изымали из киосков пресловутые календари.

Так, благодаря тому, что столь зловредное чтение не попало в ненадлежащие руки, общественная нравственность была спасена.

1910

Перевод с чешского

Веле ШТЫЛВЕЛД

Совершенно секретно
Хранить вечно

ПРОЩАЙ, ЧЕРНОТРОП,

или НОВАЯ ГУЛЬСАРЫ

Повесть

Ах, как жаль, что во времена моего детства была холодная война и космические монстры серии «Восток», чье главное назначение скрывалось от нас, но хорошо было известно на Западе господам разработчикам поставленных на боевое дежурство «Першингов»... Не было в моем детстве ни дельтапланов, ни легких пластиковых фотоаппаратов «Кодак»... Но было и у нас что снимать. Ведь какие же в ту пору у нас вызрели тёлки!.. Естественно, что оргазмов на лекциях об устрашающем международном положении они не испытывали, но уже едва не каждая моя в ту пору сверстница легко понимала и принимала для себя и язык жестов, и язык легких касаний, и метаязык галактики тех, кого рано или поздно стало принято называть на нашей планете влюбленными... Как раз в ту пору влюбился бы и я, но моя Джуди, младенец следующего победного для мифического коммунизма десятилетия, просто еще не родилась. И тогда я просто пережил первую для себя лжевлюбленность, которая приободрила меня и научила надолго тонуть в омуте девичьих и женских глаз... С тех пор та влюбленность во мне не умирала ни разу, а вечно и цепко трансформировалась во что-то большое и светлое... Но уже и тогда знали, что это не коммунизм, а вымытый в ванне слон... Уже на самом закате рухнувшей в конце концов системы таким слоном стал для меня дельтаплан. Вот почему я знал для себя точно, что в ремонтном ангаре дельтадрома мой поверженный навсегда дельтаплан мог уснуть сном умершей в песне птицы...

Умерла так умерла... Эта фраза из анекдота об убитом горем вдовце становилась в поднебесной пространственной изометрии просто нелепой... Птицы — не земные девчонки... в своей поднебесной смерти они устроены тоньше. И спорить с ними смогла бы одна только Герда Тейлер, но сразу после окончания интерната она навсегда выехала за бугор, а потому от нее осталась только легенда... Легенда о моей прошлой влюбленности в гордый с бугринкой нос и русые нееврейские кудри, которые тряслись звоном бесшумных колокольчиков, когда Герда вдруг начинала смеяться. Больше всего ее смешили невероятно толстые попы наших возможных младенцев.

— О нет! Только не это! — весело умоляла она.

Герда Тейлер была для меня удивительной сущностью, по-земному — молодой женщиной, рано лишившей себя девственности по требованию собственной плоти. Для этого она всего три раза в одну и ту же пору зашла в соседний с интернатом гастроном, где все мы так часто покупали себе послеобеденные леденцы и соевые батончики, и увела одними только глазами молодого прыщеватого грузчика, который и проделал с нею все необходимое в свой обеденный перерыв, не переставая при этом сосать во рту свой собственный отупевший от похоти язык и то и дело почесывая за левым ухом от восторга. На саму Герду именно это ухо произвело наибольшее впечатление. Оно было оттопыренным и красным до такой степени, что всех прочих пунцовостей и вздутий своего визави она просто позволила себе не заметить...

— Будешь ли ты и впрямь обращать внимание на величину и форму консервного ножа, когда тебе приспичило вскрыть банку с кильками? — смеялась густо она и запрещала задавать ей любые относящиеся к этому своему возрастному проступку вопросы.

2

Герда Тейлер, украдкой от всех, вела дневник собственных сновидений, любила еврейские анекдоты и учила меня целоваться по-птичьи... Для этого в субботу она увозила меня к себе и решительным образом требовала:

— Ни о чем больше не думай и, пожалуйста, больше ничего себе самостоятельно не воображай!.. Не будь тем моим незабвенным грузчиком с вываленным языком, прыщеватым лицом и пунцовым оттопыренным ухом.

Подобное сравнение меня злило ужасно. Я готов был разорвать на ней в клочья ее домашний синий халат, который для себя принимал за халат-униформу прыщавого наглеца, а Герда смеялась:

— Ну ты только посмотри на него! Опять что-нибудь выдумал! Да не души ты меня, остолопище!.. Тоже мне маркизик де Сад... Да тебе еще в детский сад надо ходить. Нет, с таким, как ты, работать мне еще и работать...

И она обхватывала мои горячие руки своими красивыми пухлыми пальцами и добивалась того, чтобы ритм ее пульса постепенно становился моим. Я медленно затихал и утыкался головой ей прямо в грудь. Теперь уже уравновешивался и пульс моей головы, постепенно попадая в созвучие с ее теплым сердечным ритмом.

— А теперь выпрямись и посмотри мне в глаза! Вот так. Что ты сейчас увидел в моих глазах?..

— Медовые кубики со льдом...

— Глубже смотри!

— Мед начинает плавиться...

— Смотри еще!

— Мед начинает светиться...

— Пей этот свет!

— Как?

— Внешним ободом губ. Сделай из своих губ кольцо... Что теперь ощущаешь?

— Сушит...

— Вот и хорошо. Очень медленно, с внутренней стороны увлажни это кольцо языком и чуть вытяни губы трубочкой...

Я все время завороженно смотрю на Герду. Она строго повторяет мои движения и свои инструкции, не опережая меня ни на йоту. Наши губы от напряжения начинают деревенеть и постепенно превращаются в птичьи клювы, на внутренней стороне которых прокатывается разгоряченная капелька влаги... Мы оба испытываем жажду. Теперь нам хочется пить, безумно хочется пить, прикасаясь влажными ободами губ, очень осторожно, друг к дружке... В эти секунды, когда происходит касание, вокруг нас гранатой разрывается вечность, по которой очень тихо изо рта в рот по обоюдной полости птичьего поцелуя перекатывается колдовской эликсир соития в поцелуе, в который мы вкладываем всю нашу свежую страсть.

— Именно так мне это вдруг и приснилось... Но ты же сам понимаешь, что не бывает птиц с оттопыренными ушами...

Ушат холодной воды! Я вскакиваю, в бешенстве подлетаю к графину с водой и прямо из графина обливаю ее насмешливое лицо. Она смеется и катается по дивану, пока на глазах у нее не выступают слезы.

— Иди сюда, дурачок! Там на донышке графина осталась хоть капелька? Осталась, говоришь? Ну и прекрасно. Вот теперь ты сядь на мокрое, а я к тебе на руки... Знай-знай, глупенький, что даже птицы пьют иногда просто ненависть... И знаешь, это у них происходит из-за усталости от любви... Вот и ты устал, и я притомилась, глупенький... А что мне еще надо? Дай мне капельку воды с донышка твоей ненависти. Мы и ее выпьем до дна...

И ее глаза и губы снова в птичьем экстазе.

Я выливаю последнюю капельку влаги прямо себе и ей на ладони, и теперь каждый из нас пьет свою долю горечи из рук другого, а затем мы снова замираем в птичьем поцелуе, который самым настоящим образом испаряет нашу ненависть и ввергает нас постепенно в мир взаимных касаний — все более страстных и цепких...

3

Не бывает беспечальных сказок, если только они честно написаны... Что сохранило от наших отношений с Гердой время? Нашего неродившегося сына? Ведь в ту пору мы были еще слишком молоды. Что еще? Наверное, в то время иначе пахли дожди, напичканные радионуклидами с ядерных полигонов планеты, да еще не приходили от Герды из-за бугра письма... Их просто не пропускали. Ведь волной эмиграции ее смыло в Нью-Йорк, и в конце семидесятых она стала там известной «кол-герл», о которой ходили легенды... Но больше никого она так и не научила целоваться по-птичьи, иначе бы об этом я хоть где-нибудь уже прочел, потому что об этом просто немыслимо не написать. А может быть, это настолько удивительно, что знавшие Герду Тейлер мужчины хранят ее птичьи поцелуи в себе как самую великую и прекрасную тайну, какую только способно было подарить им их скупое на ласку время... И если это так, то, наверное, сейчас они меня проклянут за то, что я поступил, как один нищий еврей на чердаке в доме богатого. Этот богатый пустил нищего покопаться

на его чердаке в узлах со старым хламьем, а тому вдруг стала мешать привязанная за перекрытие крыши веревка. И он, не долго думая, обрезал ее... Когда он спустился с чердака вниз, то застал рыдающего хозяина. Тот рыдал над осколками разбитой хрустальной люстры.

— Эту люстру подарил моим предкам еще царь Соломон. Она и делала мой дом праздничным и богатым....

Как знать, может быть, где-нибудь до сих пор праздничны и богаты те, кто прикоснулся к тайне птичьего поцелуя, и к перекрытиям своих крыш они торопящихся жить юнцов

не пускают, ибо ощущение счастья размером в одно земное мгновение способно остановить и воплотить в себя целую вечность, тогда как мы о том все еще забываем...

Как я сейчас понимаю, однажды на мне остановились внимательные глаза молодой калмычки — женщины Чернотропа. Она была стройна, лозообразна и бесконечно доступна. Гульсары всех потрясала тем, что умела в течение всего дня сохранять на своем тонком лице краски прошлой ночи взаимности...

Эти краски, как эфемерные витражи, отражали все психо-сексуальные потуги довольно известного в ту пору фантаста (даже более того — популярного советского фантаста) выглядеть перед нами литературным гигантом. Но устало-отрешенный взгляд самой Гульсары постоянно говорил всем нам о другом... Она как бы извинялась перед каждым, кто мог доставить ей ночные радости, — только лишь за то, что уже давно этих радостей не испытывала, но покорно представляла псевдосексуальную значимость человека, который с упорством опытного провокатора отслеживал взросление и социальный градус молодых, чтобы всячески отсекать их от тела будущей советской соцреалистической фантастики. При этом он нередко приворовывал у тех, кому более не предстояло подняться... Был украден и пяток моих, первых в ту пору, рассказов. Но мне еще повезло — я не клюнул на волоокую Гульсары с ее упорно-кожаным седлом амазонки. А вот из тех, кто к ней однажды притерся, не многие остались в Киеве. Они ушли в лагеря 1984 года — всепланетного года порхающих Мотыльков, года, в который Аскольд Всеволодович ловил самых бесшабашных на столь своеобразный, хорошо наживленный мотыль...

Ах, Гульсары, Гульсары... И где только взялась ты на наши несчастные головы!.. И что значили твои глаза с их всепонимающей вымышленной отрешенностью. Ты запросто давала снимать себя на любительскую восьмимиллиметровую пленку. Нашлись и любители. Ведь к тому времени видео к нам еще не доплыло... Но как плыло твое искушенное тело под фрикциями тех, кто до него дорывался... Казалось, что весь мир совершенно неожиданно обрастал крыльями со скрытыми в них элеронами, шпангоутами и стрингерами. Ты парила в том мире, где тебя хотели продать, ты нежно обнимала и скрывала от дотошной кагебешной камеры лица любовников, оставляя им шутку из тогдашнего анекдота: «Угадайте по копчику». Но вскоре тебя перевели в другой регион.

Гульсары, Гульсары, спасибо тебе, родная... По одному твоему лицу мы заранее прочитывали все вновь спланированные против нас подлости — и как могли защищали свои в то время крохотные, но уже самостоятельные миры и архивы...

Мой мир-архив мать сдала в макулатуру, у иных изъяло уже Ка-Ге-Бе...

4

Мы не всегда замечаем сразу нелепость грез. Вот и уверяем сами себя, что где-то мы себя обошли и что-то выбросили из мира реального в пространство фантасмагорий. О, если бы все это именно так и было! Скольким бы людям не пришлось более сожалеть о

своей реальной бесполезности в реальном пространстве на реальном временном отрезке, где у каждого своя жесткая роль, которой его неспособна лишить даже такая искушенная женщина, как лейтенант Гульсары...

— Почему, Аскольд, у тебя все время такая одиноко-холостяцкая квартира? Ведь я живу у тебя уже месяц!

— Ты не живешь у меня, Гульсары. Ты просто квартируешь на служебной жилплощади...

— Ну, тогда ты мой служебный мужчина!..

— Не скажи...

— И не скажу! Вот ночь начинается... Чем займемся опять? Будем изучать инструкции центра?..

— Прекрати! Я сегодня не в форме... Ты же знаешь, у меня язва. А потом, разве тебе не хватает проблем с молодежью?..

— Ты ведь сам знаешь, Аскольдик, они трусливы. Потому что догадываются, кто я... Все, кроме того голубоглазого очкарика...

— Вот и займись им...

— Куда мне после тебя! Стоило ему рассказать о своем Сорнике, как ты уже его переделал в борца за экзотический инопланетный мир Леона Торника и втиснул в свой рассказ. Как тебе только не стыдно?!

— А тебе не стыдно ложиться ко мне в постель после упражнений с другими? Не ты ли потом ввергаешь меня в их юношеские эротизмы?..

— Оставим, майор! Мне нужно в постели не служебное расследование, а мужчина... Могу же я наконец после этих испуганных получить надлежащее?!

— Лейтенант! Гульсары!.. А впрочем — действуйте, лейтенант Гульсары...

— Ну, Аскольдик, я же не хочу быть потаскухой! Я ведь женщина. Да приласкай ты меня хоть немножко...

— Гульсары, прекрати! Даже и не подумаю. Ты можешь брать мое тело — инструкцией это не запрещено, — но только так, как бы ты это сделала с потенциальным противником. А завтра займись тем чернявым, который с голубыми глазами и в очках... Мне кажется, что он девственник, если только тридцатилетние девственники все еще тебя занимают. Мне необходимо, чтобы ты побывала у него дома. Если из еврейских национал-идиотов — будем брать. А если просто дурак, то оборудуй его мир... Послушаем, чем он фонит... Что ты делаешь?

— Отрабатываю приемы совращения ближнего. Вот сейчас лижу твою язву и обозримые прилегающие к ней территории. Увы, жалко обозримые!..

— Прекрати...

— Нет, ваш язвенный перископ определенно начинает взрослеть... Взрослеет, еще взрослеет... Вот только бы еще открыть ему глаз...

— Прекра...

— Раз! А теперь задраить перегородки... Ну, наконец-то! Господи! Право же, хоть качка пошла... Перевоплощаемся, Аскольдик, перевоплощаемся... Теперь вы — Леон Торник и делаете научное открытие, что в руках у вас, нет, между ног, самый всамделишный бластер, а я — давшая течь вражеская подводная лодка... Но-но, бластер! Никакой преждевременной аннигиляции, а то на вас прямо с позы созерцающего упоительный секс лотоса сорвется разъяренная зубатка...

— Ох ты и стерва, Гульсары, ох...

— Выдох, майор... Напрасно ваш Торник явился миру во Вторник... Еще одна-две волны — и я его просто ан-ни-ги-ли-ру-ю!

— Больно же, стерва! Прыгать-то на больном человеке надо бы повежливее.

— Я не прыгала, я совокуплялась, майор. А теперь дайте мне от вас отдохнуть... В мерзкие игры, Аскольдик, играем с молодежью... Их же всех пересажают!..

— Прекрати, Гульсары! Не мы их сегодня, так они нас завтра... Идеология!

5

Я мотаюсь по городу. Мне надо разыскать семнадцать метров декрона. Вместе со мною бегает по оптовым магазинчикам и лабазам неутомимая Гульсары. Я подобрал ее у истоков своего мира, в районе станции метро «Комсомольская». На ногах у нее явно непривычные для нее «мыльницы». В них ее восточные ноги изгибаются кривизной парусов, но все равно есть в ней что-то, что отличает ее от расхожей пляжной девчонки. Но я не пытаюсь перед ней лебезить, хотя и не верю в ее пляжную независимость. Но сегодня мне до чертиков нужен декрон. Прошлой ночью старый декрон на моем больном дельтаплане кто-то старательно изрезал в мельчайшие клочья... Из этих лоскутков теперь можно

Фото Сергея ТЫДЫНЯНА

разве что сшить жалкий клоунский балахон...

На меня направлен взгляд любопытно-соучастливого существа. Ну что мне с ним нынче поделать... Проверяю этот новый открытый взгляд Гульсары на детекторе собственной плоти. Ого-го, как звенит! А детектор мечты — так тот просто зашкаливает...

— Простите... — На «ты» мне Гульсары называть как-то неловко, ведь она делит постель с моим литературным Учителем. — Но, Гульсары, если вы только согласны, придется сегодня ой как помотаться по городу...

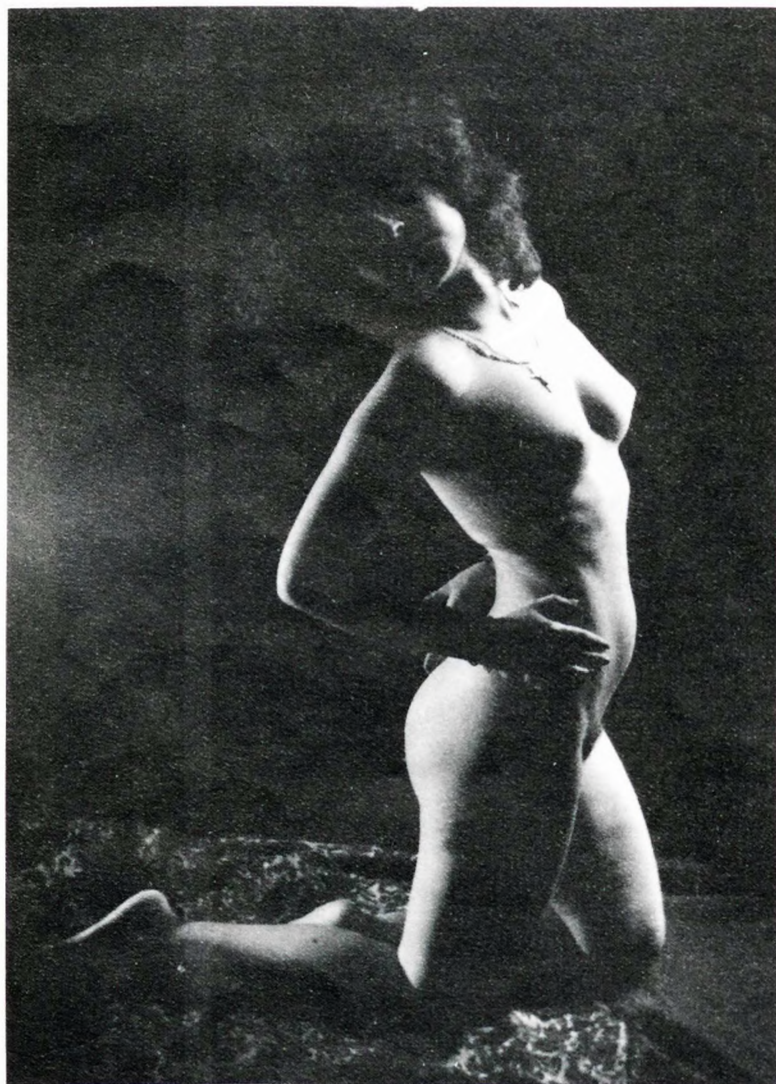

Фото Анатолия ЛИСОВИЦКОГО

— Вот и здорово, — говорит Гульсары. — Киева-то я толком не знаю. Хоть и остановилась у Аскольда, но только как знакомая по всесоюзным литературным курсам. А ему все время некогда. Днем на киностудии, ночует у мамы, а я все время брожу по городу как неприкаянная. Пригласили на съемки, а самих съемок все никак не начнут. Нужен павильон, а он все еще занят... Снимают посадку НЛО. По сценарию Аскольдика. Вообще-то у вас за съемками НЛО и ремонтами дельтапланов не видно просто людей.

— Неужели?!.

— Да-да, за всем этим не видно вас, земных человеков. Но вы знаете, Виктор, я вам, кажется, помогу!.. Ведь на этой документальной студии декрона в избытке. Там из него шьют новые киноэкраны для старых, порушенных временем сельских клубов... А у меня есть доверенность от Кыргызтелевидения. Мне не откажут... И денег не надо будет платить. Мои шефы оплатят по безналичке, в Киргизии...

— Ну ты даешь!

— Вот видишь, Виктор! Вот так и переходят на «ты». Оружие умных девушек — это разящий мужчину шок. Ты ведь, надеюсь, мужчина?!

— Чайник я, Гульсары... Чайник с закипающим гульфиком... Но от твоих скрытых съемок я, увы, не в восторге...

— Что, уже смотрят по городу?

— Еще как... Но почему ты всех прячешь в себе? От стукачей спасаешь? А сама почему лица не прикрыла?

— Что, я так некрасива? А во-вторых, Виктор, меня здесь просто никто не тронет. Ведь я племянница самого Кыргагириева. А я еще ему расскажу, что меня здесь принудили этим заниматься... Короче, Виктор! Берем декрон тебе за мои и мороженое нам за твои... А об остальном слушать мне скучно. Я хочу мороженого и напрашиваюсь к тебе в гости!..

На этой веселой ноте и обрываем наш определенно запрограммированный кем-то треп. Кривизна ног Гульсары излучает флюиды, которых прежде я в Киеве не встречал... Такие флюиды могут разнести на куски и более сильных.

6

Гульсары бродит по комнате в моих домашних тапочках и джинсовке. Ее задорная калмыцкая попа ничем не прикрыта... Кончиками своих тонких пальцев она прикасается к патине окружающих вещей и удивляется, как чуду из чудес. Возможно ли такое — смешение убожества и уюта?..

— У нас в доме сквозила нищета. Она была навязчивой, взлелеянной, безумной, кричащей!.. От нее я ежедневно просто сходила с ума. Я и по мальчишкам из-за нее таскаться ушла... Всё думала ее избежать, отыскать нечто такое, за что бы, как за ширму, можно было раз и навсегда спрятаться... А здесь вы вдвоем с матерью, в одной комнатке, почти как у меня в Калмыкии, где так живет каждый... Матери с отцами делают новых уродов на глазах уродов родившихся, сестры пробуют с братьями повторять телодвижения родителей. У некоторых это отменно получается. Затем следует отцовская пьяная порка, внебрачные дети, явившиеся в мир в инцесте. Вот почему даже младшие не всегда спрашивают старших, кто их настоящие родители. Вот почему в Средней Азии старший брат навсегда раб такой общей семьи, от которой ему не скрыться даже в рядах Советской Армии. Нет, в армию его еще отпустят, но сразу после призыва в его воинскую часть за ним примчится его казахская или калмыцкая мать и заявит сыну-любовнику, что старый отец умер, запил, сломал себе голову, растворился, как черный кофе, в соседнем кишлаке или окрестных барханах. И что теперь семья — его забота, и младшая, его любимая, сестра — все еще дитя их общего дома, а значит, она, мать, готова делить с нею его мужское ложе, ложе старшего в клане. И что нищета не так страшна, когда есть с кем рядом дышать и делить брачное ложе... А ведь в их доме семеро детей, и двое из них —

их с матерью общие дети. «Нет, я завербовался в Сибирь, на лесоповал! — пробует сопротивляться сын. — Вербовщики — люди строгие!» — «Не доводи меня до греха, сын! Только посмей, и я тогда под целое отделение вербовщиков положу твоих единокровных сестриц, и пусть они за тебя ответят... Их тел не хватит себя содержать, и они просто умрут! Ты должен немедленно возвратиться!..» Так и моя мать возвращала моего старшего брата... А вы как будто даже в вещах испытываете унижение от необходимости жить в одной комнате вместе. Я просто физически ощущаю холод демаркационной линии, которая незримо присутствует в этой комнате. Здесь вот еще твой мир, а чуть в сторону — там уже мир твоей матери. Они даже по запахам различимы... По-моему, вот такой мир я и искала. Не мир огульного инцеста, столь знакомый в любой калмыцкой многодетной семье, не мир холостяцкий майора из контрразведки — а вот такой мир, так похожий на мой, тот, которого я так долго искала на этой земле... Но в нашей семье я была маленькой, отгородившейся от всех мышкой. У меня были и свои собственные запахи, и свои вещи. Правда, их было немного, а мой собственный запах вскоре смешался с запахами всех окружающих мой мир мужчин. И тогда я поняла, что самое время уйти... Вскочила на первую же дальнобойную би-би-би, прихватила паспорт гражданки Наталии Имярек — и в Ленинграде я уже была Аллой! У вас тут на улице Чкалова есть такое же заведение, что и в Ленинграде на другой улице. Венерическая тюремная больница. Нет, у меня никогда не было особых венерических заболеваний... Но была калмыцкая семипалатинская родня из солнечного Казахстана. Боялись более страшного — палочки лепры!

— Проказы?

— Ну да, ее самой... А меня попутные мужики отлизали... Еще в дорожных странствиях из Семипалатинска. Я так и сказала одному в Ленинграде. А у него под халатом были погоны... Три месяца спецшколы под Ленинградом, в Ораниенбауме... Теперь и я немножко могу отличить Франка Пурселя от Мориса Равеля, финики от Феллини... Всего сложнее было разобраться в карте вин, которые пьют в европейской части Союза. У нас если хотят напиться, то пьют либо рисовый самогон, либо водку-сучок, казенку, значит, либо кумыс... А у вас тут чего только не пьют... Хочешь, я тебя пить научу, десертные вина, после такой женщины, как я?.. Но у тебя денег в кармане не густо... А можно, я просто у тебя полежу, на краешке твоего мира-дивана, но только чуть-чуть вольготней, чтобы не прикрывать после ванной своей голой попы, чтобы не слышать, как плачет маленькая сестричка и не видеть проказ отца.

— Полежи... Гульсары-Алла-Наташа... Наташи все наши...

7

Задремала лейтенант Гульсары... Спит под тонким домашним пледом Алла-Наташа. Бери, коли хошь... Вся телом наша. Рядом я, не шибко одетый, под тем же пледом... Ее светло-рыжие, давно уже не природного цвета, волосы рассыпаются у меня под пальцами шелковыми нитями, из которых можно плести самые настоящие паутины памяти... Широкое лицо русской калмычки покрывает тончайший гигроскопичный эпителий, способный принять и впитать в себя обильную влагу чужих жадных губ. Но Гульсары заснула по-настоящему...

Мать на смене. До утра еще как до крыши... На табуретке у дивана недопитая бутылка вина. Модный в ту пору токай... Рюмку обнюхивает мурлон. Он недоволен тем, что его сюда не позвали. Его лохматые крылья нахохлены и выглядят заплечным горбом, все шесть лап шевелятся в воздухе. Сейчас начнется... И точно. Бутылка с недопитым вином поднята, наклонена, и из нее прямо на табурет из белого пластика выливается лужица. Бутылка водворена на место, а сам мурлоша теперь при деле. Он осторожно, капля за каплей, одним краешком своего кошачьего языка тихо и ловко слизывает с табурета пролитое вино. Делает он это неслышно и почти микроскопическими дозами. На планете Итак, откуда он прибыл, — извечный сухой закон... Так что этого занятия хватит мурлону надолго... Ага, и мурлону неплохо, и Гульсары хорошо, найти бы и себе какую-никакую утеху...

Я медленно и осторожно превращаю свои губы в кратер хорошо отоспавшегося вулкана... Вполоборота вывинчиваюсь на подушку и, опираясь на дальний от спящей Гульсары локоть, занимаю главенствующее положение. При этом любопытному мурлону под обозрение попадает только часть моей голой спины... Осторожные мерные поцелуи покрывают лицо и шею спящей. Затем я пытаюсь целовать ее волосы, но тут ощущаю у себя на шее ее первый влажный шлепок... Так удивляет первая капля дождя. И действительно, пока я целую волосы Гульсары, на шее у меня начинается тихий весенний дождь. В нем есть и мартовская холодинка, и апрельская сила, и майская роскошь, и снова мартовский всплеск... Гульсары еще спит, но уже проснулись ее нежные губы...

Перископы мурлоновых глаз зависают непосредственно перед нами, прямо над потолком, в то время как его язык все еще слизывает с поверхности табуретки бодрящий токай... Ну чем вам не наглая инопланетная тварь? Я осторожно сдаю свои командные позиции и погружаюсь в мир просыпающегося под мерными ласками тела. Сначала скольжу поцелуями по ее хрупким калмыцким плечам, потом из этих плеч появляются руки и начинают осторожно ласкать мою во-

Совершенно секретно
Из рукописи «Прощай, Чернотроп»

лосатую спину. Замечу, куда более волосатую, чем обычно. Это мудрец мурлон пристроил свою спину к почти безволосой моей... Но лейтенанта Гульсары нам не провести. Она заметила уже глаза мурлона под потолком и теперь заулыбалась ему своими удивительно искристыми в эти минуты глазами... Вот теперь нам всем троим хорошо. Где не хватает в ласках меня, там доласкивает шелковое тело Гульсары инопланетный проказник, и тогда уже не он, а я начинаю неприлично мурлыкать... Гульсары при этом восторженно смеется и свободным движением своей красивой руки пытается сбросить с

нас троих плед, но он не хочет падать с дивана, и тогда уже мурлон вытворяет с ним что-то невероятное. Он сворачивает плед клубком и заставляет этот клубок плыть над нами в виде орбитальной станции всех простаков мира, а в это время я целую темно-вишневые соски стонущей подо мной Аллы-Наташи, жаркая влага бьет гейзером из ее пышущего желанием лона. Ведь секс — не только элемент ее нелегкой профессии, но и потребность, без удовлетворения которой она уже больше не способна существовать... Два астронавта вплывают в единый горячий гейзер, совершенно не мешая друг другу осуществляться. Но только нам не обмануть Гульсары. Она ощущает каждого из нас совершенно отдельно... Экстаз, оргазм, эякуляции двух в одну... Я замираю на теле Гульсары. Ее нежные руки теперь гладят обоих — и меня, и мурлона... Горб за спиною мурлона расправляется в крылья...

8

— Ну, разве вы не редкие негодяища? — лениво потягиваясь, заявляет после небольшой паузы Гульсары.

— А собственнно, в чем дело, Наташка? — дуриком спрашиваю я, подавая в это время ей чашечку кофе. Мурлон обиженно отворачивается. Кофе он не пьет, а сметаны я ему сегодня не предложил. — Так в чем, собственно, негодность наша? — продолжаю уточнять я.

— А ни в чем, — вдруг совершенно меняется в лице Гульсары. — Вы меня хоть спрашивали, не подзалетный ли у меня день?

— Точно — подзалетный! — оборачивается к нам мурлон. — Мне еще на Итаке в предписание занесли — никаких шалостей семнадцатого июля по земному календарю, ибо возможна эякуляция в донорской оболочке...

— Ну вот что, доноры мои, как деточку будем называть?.. А что — вот возьму и уйду в декрет. У нас в стране, между прочим, даже таким, как я, если что — декрет полагается... А я свое уже отработала. Давала этой стране и угля, и шахтеров... на урановые рудники... Боже мой, скольких же я сдала!.. А тут, дура, пожелала рожать... Вот и рожу теперь хрена лохматого...

— За это обязательно надо выпить! — решает за всех мурлон, и в воздухе появляется огромная бутыль шампанского и, конечно же, три инопланетные упаковки с пакетиками сметаны... Мокрые от недавних слез гла-

Совершенно секретно
Из рукописи «Прощай, Чернотроп»

за Гульсары снова смеются.

Мы пьем шампанское и заедаем сметаной, которую слизываем подобно мурлону одними только языками, всякий раз замечая, как наши пакетики становятся все площе и площе... В это время по телеящику правительственные санитары вводят в тронный зал нашего великого государства живой труп. Сейчас Константин Устинович Черненко скажет речь! И точно. Действо начинается...

— Нет, сладенькие мои, рановато я к вам пожаловал... — грустно произносит мурлон. — Просто заинтересовали меня живые таблицы, вот и рванул сдуру посмотреть, а оказа-

лось, это просто женщины. Я за эту командировку уже третью оплодотворяю, но никак в толк не возьму, где в этом удивительном шелковом теле может храниться таблица?..

— Простачок ты мой, простачок... Наверное, на наших нарвался... Ты же пойми, это у них там на Западе микрофоны и контрацептивы, а у нас на востоке — секс влет, обыкновенный бабий шантаж, Господи прости, выскребка и мнемоническая техника запоминания.... Вот лежала я в оргазме, а что говорили вы оба — помню... А потребуют — расскажу. Ведь нас как научили самих себя оправдывать, грешных... Мол, предательство — это неведенье... Вон и в «Бриллиантовую руку» извечно наше вмонтировали: «Не виноватая я — он сам пришел!» Понятно тебе, Витек, и тебе, лохматенький? А я им теперь, на этот раз, определенно рожу, такого же лохматенького, как ты... А спать будем этажеркой, как нынче пропагандируют, на многоярусных домашних нарах. Закупили в Чехословакии и в Германии, потому что сами выпускаем только тюремные... А меня спрашивают: мол, что да что говорил такой-то и как шевелился в постели?.. Как будто на тюремных нарах, Аскольдик, им будет с кем шевелиться...

— Не Аскольдик я, Гульсары!..

— А мне, Витек, нравится Аскольдик! А он, сволочь такая, не шевелится...

— Я тебя понимаю, — принимается утешать нашу столь откровенно-экстравагантную гостью мурлон. — Он же сам тебе говорил, что у него кишечная язва и, вообще, он же старший по званию!

— Прекрати! Тоже еще живая таблица!.. Шпион ты, а не таблица! Такой же, как все... Хорошо, что Виктор не умеет подглядывать в чужие постели. Это мерзко, мерзко, мерзко!.. — И Гульсары пытается рвать на себе волосы...

Она снова в слезах, губы ее восхитительно влажны, плечи вздрагивают... Саму ее азбучно обучили тому, что предательство — это неведенье... Я не ведаю, что творю, она не ведает, что творит, мы повержены страстью, мы любим друг друга, вновь над нами искусственным спутником проносится скомканный плед. Хоть за это спасибо тебе, мурлон...

9

Страна предающих и предаваемых — почему ее в этом страшном столетии коснулась участь сия?! Почему жаркой ртутью извиваемся мы в эту ночь с Гульсары, заранее прощая друг другу взаимную меру предательства? И если она не расскажет им о мурлоне, так это лишь потому, что только женщина имеет право знать, кто является отцом ее плода... Наш плод любви, предательства и воображения когда-то позже она назовет Лешкой-Антошкой. Мурлон к тому времени тоже испачкается в нашей земной грязи и подрядится служить на телевидении рассыльным, мотаясь на орбитальные спутники ремонтировать порушенные звездными ливнями телеантенны, а его земной двойник размером в огромную табуретку будет сидеть в кадре нравоучительных передач для детей и олицетворять собою Мурло. Гульсары выйдет замуж за атташе и станет госпожой Фаиной Матасява. И однажды мы встретимся на одной из правительственных улиц столицы нового государства.

О чем мы с ней в тот день говорили, с женщиной, столь же часто меняющей собственные имена, как иные мужей и фамилии? Нет, замужем она первый раз, и, как видно, удачно... В нем что-то есть от Аскольда. Наверное, та же властность в постели, а она — восточная женщина и привыкла во всем личностном подчиняться... А Лешка-Антошка для нее — все, и еще наш совместный экспромт:

А как поживает мурлон?..

— Поживает!.. — раздается в морозном воздухе, и старина мурлон протягивает ей свою теплую пушистую лапу.

О чем мы с ней в тот раз еще говорили?.. Наверное, о той высшей силе, которая должна спасти всех нас от предательства, о том, что годы не меняют ее тонкой удивительной красоты, о том, что за ней ведется слежение с орбитального спутника и что у нее на теле нанесены специальные зоны контроля, совпадающие, как ни крути, с ее эрогенными зонами...

Рядом с Фаиной, держась за ручку, бродит по большому шумному восточноевропейскому городу междупланетный ее сынишка от двух столь непохожих отцов, Лешка-Антошка...

— Я же предупреждала, — смеется Фаина,— что от каждого из вас возьму по имени. А Аскольду я хотела от себя подарить деньги на издание его нового романа. Ему, прежнему осведомителю, сейчас особенно трудно приходится. Но он гордый и от денег категорически отказался. Помог мурлон. Через знакомых на телевидении устроил для Аскольда эфирное время. Только это теперь его и кормит. Рассказывает о кагебешных мистификациях с НЛО и все пытается выдавать их за объективную реальность. А объективная реальность, вот она — рядом стоит... Ну, а мурлоша у него за приятеля. Только я мурлона боюсь... Все грозится обучить мальчика по небу ходить: дескать, у Лешки-Антошки гены, и пока он его не обучит, не видать ему, мурлону, своего Итака, как собственных лохматых ушей... Они даже сметану перестали ему присылать за то, что встрял в наши земные дела. Витя, ради нашего прошлого, упроси мурлона не вбивать в голову нашему сыну всякую чушь. Да и что в нем от мурлона, ну разве что самая капочка. Вон там на ручке волосатая родинка, да еще, когда ест сметану, урчит, как настоящий мурлон... А моему атташе это даже нравится... Правда, время от времени с Лешкой-Антошкой происходит что-то непонятное. Он вдруг как бы растворяется, а когда появляется, то совершенно в другом месте. И врет, страшно врет... Наверное, это у него от тебя. В последнее время придумал врать, что бывает на планете Итак и катается там на розовом слоне, и даже угостил как-то меня упаковочкой банановой морковки...

И госпожа Фаина всхлипнула, как Гульсары...

10

В моем мире растет на окнах герань. Когда наступает лето, герани в горшках становится тесно. Ведь это всего-навсего декоративные горшки, а герань — живое растение, и его, по праву живого, мать высаживает в балконные ящики осуществляться... К середине восьмидесятых, увы, это уже не модно... Но от привычки матери любить и лелеять этот неприхотливый цветок никому уже не уйти, и буйные соцветия герани цветут-осуществляются в балконных ящиках до первых седых заморозков ноября... Так что утром 18 июля 1984 года эти зонтичные соцветия в самом соку... Жаркий кармин затягивает открытый балкон аурой эдемского сада. В глубине этого сада, у дальней от балкона стены, на стар採еньком диванчике под пледом все еще мы с Гульсары... Она пытается выяснить, что связывает, действительно

Фото Евгения ШИПИЦЫНА

связывает, меня с выехавшей на постоянное жительство в США одноклассницей моей Людмилой Вениаминовной Рахлис...

— Зачем тебе это надо, душа моя Гульсары?

— Я провела с тобой целую ночь. За это мне надо будет им рассказать... Я же не стану им рассказывать, что всю эту ночь была твоей лучницей, пока не выжала из твоего колчана последние стрелы... Не про мурлона же мне рассказать, чтобы они вообще крышей поехали... Нет уж, поговорим лучше о том, кого среди нас нет!..

— Увы, Гульсары, ты не совсем права, лучница моя славная! — И я плыву рукой по вы́гнутой луком линии ее спелых бедер. Под моими пальцами кожа на теле Гульсары вздрагивает и приходит в хорошо ощутимое волновое движение... Хочется провалиться в сладкое пылкое межлучье, мгновенно, тяжело и плотно заполнить его...

Гульсары моих прежних отношений с Гердой Тейлер не воспринимает. Ей просто не понять, что Герда для меня так и не переехала за океан и что очень часто мы по-прежнему целуемся с ней по-птичьи...

— Понимаешь, Гульсары, Герда — не ты. Ты — порыв, а она — ощущение. Ее нельзя извлечь навсегда, если только не вывернуть меня наизнанку.

— А меня можно, можно? Не гони ля-ля! Би-би тебя переедет!

— Успокойся, Аллка-Наташка... Долго объяснять нам, теперешним, что когда-то придумали для себя любопытные разнополые дети. В какие игры они играли, какие видели сны. Вон, слышишь, там в герани зачирикали воробьи. Не важно, о чем они между собой говорят, но вот теперь... кажется, теперь они начали целоваться по-птичьи, именно так, как однажды меня научила Герда... Нам это вряд ли удастся, когда наши тела в привычном для них переплетении, но все-таки: очень осторожно вытяни губы трубочкой и только на мгновение заставь их окостенеть. Внутри полости губ у тебя вызревает жаркая капелька влаги. Поднеси ее к моим губам и подари мне, а я сделаю то же самое тебе.

Наши проснувшиеся тела превращаются в жаркий расплав, мы не можем остудить себя до простого детского поцелуя, который когда-то изобретательная Герда Тейлер решила назвать птичьим. Запах губ Гульсары перебивает запах желания ее пробудившегося лона, да и сама она сейчас целуется не с птенцом, а со столь же огнедышащим дракончиком Дракулой... Неудавшийся птичий поцелуй превращает нас в алчущих вампиров, мы впиваемся губами друг в друга, гарпия сбрасывает со своего тела поверженное тело дракона и победно восстает на нем, вбирая в себя все драконье, бьющее в нее тяжелым молотом поверженного кузнеца... Удар, удар, удар — страшная, неуемная пульсоритмия.

— Вить, — мягко, очень мягко шепчут Наташкины губы. — Больше никогда не рассказывай мне о Рахлис... А я... а-а-а... уж я... а-а-аа-ааа... им отчитаюсь, что прежде вы занимались с ней сионизмом и на этой почве у тебя бурые комплексы...

— Но почему бурые?

— Потому, что бурые водоросли, дурачок, очень хороши для тех, у кого самая настоящая зобовая опухоль памяти... С таким диагнозом забирают и в дурдом: вялотекущая шизофрения... Не ты первый. Троих уже вроде сдала... Но тебя я не сдам. Ты мой пробирочный эксперимент. А теперь спи, — шепчет мне гарпия нежно и страшно...

11

Кто и за что вменил нам всем в обряд доносительство?.. Ритуал вовлечения во всеобщий смрадный поток доносительства действительно оказался страшным.

Нежно и страшно шептала мне утром незнакомая гарпия совершенно понятными мне словами совершенно понятный мне приговор. За эту ночь нашей взаимной близости, за семнадцать квадратных метров декрона, за то, что я так и не научился бродить по небу, как наш будущий сынишка Лешка-Антошка, за то, что просто нельзя предать чудаковатого инопланетянина мурлона, — буду предан я, на которого в приступе кишечной боли во время продажного служебного секса указал ей Аскольд...

Будь Гульсары просто его девчонкой, то сейчас бы предавал его я. Предавал бы своего неглупого литературного наставника.

Боже мой, какие жуткие образы должны были являться ему... И они действительно приходили в мир этого человека. В одном из самых известных его рассказов повествуется о потугах некой земной экспедиции понять жизнь планеты, над которой в пространстве суетились маленькие шарообразно-розовые существа. Они плыли в воздухе незнакомой планеты и радовались тому, что они существуют. Они резвились и уносились за горизонт, пока из-за горизонта не выплывали тяжелые фиолетовые гиганты, которые присасывались к нежно-розовым шарообразным трепетным малышам и запросто их выпивали. И тогда малыши белели и тихо опадали на поверхность планетарной могилы к ногам земных исследователей. И тогда землянин взял в руки бластер и стал наводить одному ему понятный порядок. Розовые невинные малыши по логике данного гуманоида обязательно должны были выжить, и ради этого он сжигал фиолетовых инопланетных агрессоров... Интересно, а кто его об этом просил?.. Возможно, что незнакомая Аскольду планета демонстрировала ему его собственный остаточный вагинизм. И предатель Аскольд ненавидел себя и выжигал этот остаточный вагинизм бластером, как свою постыдную неприспособленность к окружающему миру.

С самим Аскольдом жизнь поступила не столь сурово. Несколько месяцев с конца 1991 года он прятался от себя в небольших театриках на Андреевском спуске, где у него в то время еще оставались друзья. Такие же лицедеи, как и он. Но вскоре друзей рассыпало время. Многие, как во всякие времена перемен, навсегда бежали в Германию, где к этому времени уже успели допиться баварским пивом до самого всамделишного цирроза печени. Но Аскольд не уехал. Он решил баллотироваться от новой коммунистической партии в украинский Верховный совет... И не где-нибудь, а у меня на массиве!

Однажды я вдруг обнаружил во всех подземных переходах его портреты и биографию ПАТРИОТА... И тогда я взял в руки фломастер. Я шел по улице Владимира Владимировича Маяковского, от перехода к переходу, и всюду, где натыкался на плакатики с призывами голосовать за представителя левых сил, я, человек далеко не правый, дописывал большими буквами: *«Профессиональный предатель! В 1984 году активно сдавал КГБ молодых литераторов нашего города».*

Утром на окрестных плакатиках у моего литературного учителя Аскольдика были кем-то изорваны лица...

С тех пор ни одного целого лика Аскольда-предателя видеть мне не случалось... Это было пострашнее придуманного им бластера, которым он так рьяно расстреливал фаллос собственного отца в том давнем своем рассказе...

Да, вот что еще: прощаясь с Лешкой-Антошкой, мурлон настрого запретил ему читать земную фантастику, по крайней мере ту, которую все еще официозно именовали советской.

Владимир КОСКИН

«СОЛОВЬИ НАШИ ПОЗДНИЕ...»

***

Мне не надо тебя раздевать —
Ты выходишь из речки нагая,
И, над гладью воды возникая,
Ты умеешь, как ангел, сиять!
И точеная прелесть твоя,
Как вода, в мое зренье уходит;
И с ума меня медленно сводят
Двух сосков золотых острия.
Ты бесстыдно и свято идешь,
Приближаясь стремительной тенью;
Словно гейзер безумной сирени,
Ароматом любви обдаешь!
Ослепленный твоей белизной,
Взгляд невольно мой там очутился,
Где внизу живота опушился
Треугольник магический твой.
Ты дразняще идешь до конца
И не думаешь вовсе прикрыться,
И глаза, словно синие птицы,
Удивленно взлетают с лица.

К ТЕБЕ

Грустный, уставший,
Тянусь я
К белому, нежному...
В каждой снежинке
Живет по улыбке —
Подснежнику.

***

Соловьи наши поздние все же запели.
Ты лежала в лесу, как на брачной постели.
И, сиянием белым безумно слепя,
Ты вливалась в меня, я вливался — в тебя.
Ночь-прохлада, сминая тоску и тревоги,
Все пыталась укрыть груди, плечи и ноги.
О, горячая влажность заветного лона!
Я в тебя погружался до крика, до стона...
Я цеплялся за бедра, за плечи, за шею...
О, как ты содрогалась и как хорошела!

***

Меня две женщины не отпускают,
Но дело в том, что сам я не решил,
Кого люблю я больше, потакая
Больному раздвоению души.
Я в переплет попал, и голос тайный
Советует: обеих отсеки,
Ведь это совпадение — случайно,
И логике, и чувству — вопреки.
Я вижу ясно, как они страдают,
За это я готов себя убить.
Меня две женщины не отпускают...
Я тоже их не в силах отпустить.

***

Ко мне приходит женщина. Она
Так сладко и безудержно нежна...
Касаньем пальцев, губ и языка
Я довожу ее до столбняка!
Она вибрирует, как ивы лист,
Мерцая сотней взглядов, рук и лиц...
Она — любима, в этом весь секрет.
От пяток до затылка — стон и свет!
И сладко-жгуче льется темнота
В ее припухлость ниже живота...
Скользит моя бесстыдная ладонь.
И где-то в бездне тонет мой огонь.
И, как струна, как боль, напряжена,
Ногами ног касается она.
И обморочно шепчет: «Я сейчас...» —
Так нежно, жадно... как в последний раз.

***

Разлюбившая, нелюбимая,
ты приходишь ко мне ночами,
и печали неотвратимые
разбиваешь своей печалью.
И весна, приближаясь к маю,
наливается силой зримой...
Нелюбимую призываю —
нет другой у меня любимой.

Фото Александра ТОЛЧИНСКОГО

лель-ревю

АЛЕКС КОМФОРТ

РАДОСТЬ СЕКСА

ПРОБЛЕМЫ И КАК ИХ РЕШАТЬ

Томас РОУЛАНДСОН (1756— 1827). Угасающий святоша

ПРЕЖДЕВРЕМЕННАЯ ЭЯКУЛЯЦИЯ

Преждевременное окончание полового акта происходит по двум причинам: из-за чрезмерного возбуждения и из-за нервозности. Очень сильное желание может быть восхитительным время от времени, но обычно это означает, что из-за нерегулярности половой жизни несколько нарушаются сексуальные механизмы. Можно попытаться использовать мастурбацию, чтобы выработать замедленную реакцию, но этот метод может не сработать, когда вы окажетесь перед чарами женщины. Стоит вам прийти в возбуждение — и у вас происходит эякуляция, которая может превратиться в физиологическую привычку, подобную заиканию или импотенции. И тогда вам трудно будет воспользоваться большей частью наших рекомендаций.

Предлагаем отработанную методику, способствующую преодолению этого нарушения, которая часто дает положительные результаты. Займитесь решением своей проблемы по этой методике как можно скорее.

1. Определите вместе с партнершей, как скоро после первой эякуляции у вас наступает следующая эрекция. С этой целью вы либо сами себя стимулируете, либо пусть она возбуждает вас. После наступления эрекции умышленно сдерживаете себя, не стремясь к оргазму, и выясняете, сколько времени вы сможете удерживать эрекцию. Делайте это достаточно часто.

2. Если пауза до следующей эрекции длится слишком долго или второе возбуждение быстро спадает, нужны специальные упражнения. Отведите для них время и установите правило: во время упражнений вы не вступаете в половые сношения. Если необходимо, пусть партнерша поможет привести половой член в напряженное состояние и начнет медленный процесс мастурбации в положении сидя, с раздвинутыми ногами. Ее задача заключается в том, чтобы просто поддерживать эрекцию, хотя, воз-

можно, ей придется сократить количество движений до одного в три секунды. Когда вы скажете «хватит», она должна остановиться. Партнерша может связать вас, если ей так удобнее управляться с вами, но, поскольку связывание само по себе является возбудителем, лучше, если вы сознательно не будете при этом возбуждаться. Не волнуйтесь, если почти сразу после эрекции произойдет семяизвержение. Повторите попытку через полчаса. Делайте это как можно чаще, но вперемежку с половыми сношениями. Если при выполнении упражнения возникнут трудности, можно и при половом сношении, и при тренировке воспользоваться анестезирующей мазью, которая, притупляя чувствительность, многим помогает. После примерно трех недель регулярной практики вы сможете сохранять вторую эрекцию, а возможно, и первую, в течение целых пяти минут, а в последующем продолжительность еще больше увеличится. В то же время старайтесь продлить время непосредственного полового сношения. Применяйте все дополнительные средства, чтобы дать возможность вашей партнерше достичь оргазма столько раз, сколько ей хочется, а вот она должна очень осторожно заниматься стимуляцией партнера до коитуса. Попробуйте держать пенис во влагалище без движения в течение коротких промежутков времени.

3. Важно по взаимному согласию устраивать сексуальные встречи без полового сношения, чтобы привести себя в состояние сексуальной натренированности. Это пойдет на пользу вам обоим, но женщина при этом не должна страдать: научитесь ласкать ее руками и языком, не забывайте, что ее груди — одна из эрогенных зон. Если вы доставите женщине удовлетворение, то получите передышку, чтобы набраться сил. Если и после этого положение не исправится, обратитесь за консультацией к сексологу, пока преждевременная эякуляция не переросла в привычку.

Большинство мужчин с недостаточным сексуальным опытом очень быстро кончают, и им была бы полезна тренировка, о которой мы рассказали.

При первой встрече с очень желанной партнершей по меньшей мере у 50 процентов мужчин происходит очень быстрая эякуляция или даже не возникает эрекция. Оставайтесь с этой женщиной на всю ночь и сделайте новую попытку, но не очень усердствуйте. Лучше заснуть, и тогда утром скорее всего проснетесь с сильной эрекцией.

ИМПОТЕНЦИЯ

Здесь нагромождено так много всяческой чепухи и необоснованных тревог, что стоит привести кое-какие факты.

1. Все мужчины бывают иногда импотентами: обычно это случается при первой или торопливой встрече с очень желанной женщиной, на которую мужчина хочет произвести впечатление. Степень риска пропорциональна нарастанию внутренней напряженности. Это может произойти и дома — неожиданно, нередко из-за какого-нибудь пустяка, на который вы и внимания не обратите. В таких случаях важно не расстраиваться. Бытующее представление о том, что мужчина всегда готов к сексу, совершенно не соответствует действительности и является плодом больного воображения. Только племенные жеребцы способны работать, как машины, да и им дают выходные дни. Постарайтесь, чтобы для первого раза в вашем распоряжении была вся ночь: утром вы проснетесь полный сил.

2. Существуют и физические факторы, вызывающие импотенцию. Главные из них — диабет, ожирение, злоупотребление алкоголем и некоторые лекарства, прописываемые от депрессии и высокого артериального давления.

3. Причиной импотенции может стать и психологический фактор: опасение, что вы будете не в состоянии совершить половой акт, может «выключить» ваши сексуальные механизмы. Здесь напрашивается прямая аналогия с пианистом, котрый начинает постоянно думать о своих пальцах.

4. Если у вас когда-либо наступает эрекция (в результате мастурбации, во сне или при пробуждении), это значит, что никаких отклонении в функционировании половых органов у вас нет.

5. Возраст не имеет никакого отношения к импотенции, если только не появляются какие-то болезни. Однако сверлящая мысль о том, что вы стареете и силы у вас истощаются, может привести к импотенции. Потенция у нормального мужчины сохраняется всю жизнь. Единственное изменение в том, что с возрастом непроизвольная эрекция наступает реже, необходима прямая стимуляция, а для достижения оргазма требуется больше времени. Импотенция у пожилых мужчин объясняется слабым здоровьем и отсутствием привлекательной партнерши, а также попытками совершать половой акт слишком часто или чрезмерными требованиями молодых партнерш, устраивающих им тест на «профпригодность». Такие особы могут загнать нормального мужчину в любом возрасте. Еще одна распространенная причина импотенции у пожилых — прием лекарств.

6. Продолжительная импотенция означает, что вы либо пытаетесь совершить половой акт, несмотря на какой-то негативный фактор (неподходящая обстановка, не та партнерша, не то настроение, попытки установить рекорд), либо сами себя расхолаживаете, действуя не как участник, а как зритель, с тревогой наблюдающий со стороны за своим поведением. Импотенция может возникнуть, если вы сильно удручены неполучившимся ранее (в условиях, упомянутых в пункте 1) половым актом, и стать постоянной. Поступайте точно так же, как при преждевременной эякуляции, но в данном случае вы оба должны применить все имеющиеся в вашем распоряжении средства возбуждения и твердо следовать установке не вступать в половое сношение. В случае неудачи обратитесь к специалисту-сексологу. Если вы будете знать возможные причины импотенции, врачу легче будет вам помочь.

В результате новейших исследований удалось измерить кровоток в пенисе, зарегистрировать степень эрекции, происходящей в определенной фазе сна (когда глаза совершают быстрые движения), и провести другие обследования. Оказалось, что изменения органического характера встречаются чаще, чем предполагалось. Раньше считалось, что причины проблем с эрекцией у 90 процентов мужчин, у которых раньше все было нормально, следует искать в их психике, но, как теперь полагают, этот процент слишком завышен. Исключив диабет, злоупотребление алкоголем, лекарства и нарушения гормональной деятельности, мы сталкиваемся со случаями, когда эрекция бывает неполной из-за недостаточного кровоснабжения половых органов, когда кровь «забирается» для питания мышц при их напряжении во время полового сношения.

Поэтому порядок ваших действий должен быть следующим: исключите очевидные причины, узнайте о побочных действиях лекарств, которые вы принимаете, проанализируйте, не мешает ли вам что-нибудь во время половых сношений, и, если положение не улучшится, обратитесь в сексологическую консультацию, где имеется оборудование для проведения необходимых исследований. В идеале такое обследование должно быть доступно каждому.

Гормон тестостерона — это не универсальное средство возбуждения. Подавляющее большинство мужчин, испытывающих затруднение с эрекцией, не ощущают в нем недостатка, однако, по мнению некоторых врачей, дополнительное количество мужского

гормона может понизить порог возбудимости. Прием тестостерона останавливает его выработку вашим собственным организмом.

При импотенции, вызванной органическими причинами, например, после серьезной хирургической операции, можно вставить в пенис жесткую конструкцию, в результате чего он приводится в напряженное состояние. Существует даже протез, который можно накачивать, — мы не шутим! Страшно даже подумать, что случится, если женщина, привыкшая к такому пенису, поменяет партнера! Вы должны сами решить, стоит ли эта затея связанных с ней хлопот и осложнений, учитывая, что существует довольно много видов сексуальных контактов, доставляющих приятные ощущения и не требующих эрекции, а также принимая во внимание тот факт, что жены редко высоко оценивают достигаемые результаты. Все дело в том, в какой степени ваше уважение к самому себе зависит от упругости вашего пениса.

ОПАСНОСТИ

Вопреки расхожему мнению, очень немногие способы половых сношений действительно опасны. Если

Франсуа фон БАЙРОС. Сад Афродиты. Любовные качели. 1907

мужчина неосторожно вводит половой член во влагалище в позиции женщина сверху, это может причинить травму ему или ей; грубое проникновение пениса в анальное отверстие может повредить ткани прямой кишки, а анальное половое сношение с незнакомым человеком связано с опасностью заражения СПИДом. При попеременном введении полового члена то во влагалище, то в задний проход у женщины может возникнуть вагинит. При половых сношениях во время беременности мужчины должны быть очень осторожны с женщинами, предрасположенными к выкидышу, а таким женщинам лучше вообще не доводить себя до оргазма в период беременности.

Кроме того, известно несколько опасных выдумок, хотя они и не пользуются популярностью. Но, поскольку опасности все же существуют, немного расскажем о них.

1. Никогда никого не душите, даже «понарошку», особенно во время оргазма. Многие убийства на сексуальной почве на самом деле являются несчастными случаями с женщинами, которые получают удовольствие от частичного удушения. А ведь те же ощущения, причем с гарантией полной безопасности, дает позиция головой вниз. Не допускайте ничего, что может затруднить дыхание партнера, и будьте крайне осторожны в играх со связыванием: на мягкой поверхности можно легко задохнуться.

2. Никогда не дуйте во влагалище — это может привести к закупорке кровеносных сосудов (известны даже случаи внезапной смерти).

3. Хотя некоторые авторы пособий упоминают о применении бытовых приборов для сексуального озорства, не шутите с пылесосами и насосами. У одного пострадавшего была разорвана прямая кишка, когда ему с небольшого расстояния направили в задний проход трубку насоса для накачивания автомобильных шин и включили его (это была шутка!). Удивительно часты случаи повреждения пениса пылесосом (когда пытаются с его помощью добиться эрекции или удлинить член), которые очень трудно поддаются излечению. Давление воды из крана безопасно, но направляйте струю на клитор, а не во влагалище, так как вода может пойти по фаллопиевым трубам и повредить их.

4. «Шпанские мушки» (вернее, яд, выделяемый ими) — это не средство, усиливающее половое влечение, а раздражающее отравляющее вещество, почти такое же сильнодействующее, как горчичный газ. Доза, от которой происходит бесполезная и болезненная эрекция в результате воспаления пениса, больше дозы, убивающей почку.

5. Ничто из того, что вы вдыхаете для повышения тонуса, не безопасно. Органические химические вещества, вызывающие головокружение, часто бывают причиной смерти. Амилнитрит вызывает возбуждение и другие чувственные ощущения, но с ним нельзя шутить: он далеко не безопасен.

6. Как и анальное половое сношение, контакт рта с анальным отверстием — рискованное занятие, и его лучше избегать.

Люди широко экспериментируют в сексе, но некоторых пугают всякие новшества. Следует сказать, что опасны только явно идиотские сексуальные эксперименты. При соблюдении разумной осторожности сексуальная игра — самый безопасный и энергичный вид спорта. А погибнуть можно и от мяча при игре в гольф.

ЗДОРОВЬЕ

Если вы заболели, вам, по-видимому, самому станет не до секса. В очень немногих случаях предписание врача «никакого секса» затягивается надолго, например, после инфаркта, операции по удалению грыжи, естественно, после заражения венерическим заболеванием, на поздних сроках беременности и при угрозе выкидыша. Большинству врачей все это известно, но среди них находятся такие, кто бездумно запрещает секс, что вызывает у пациентов огромную тревогу. По всей видимости, эти врачи сами безразлично относятся к половой жизни.

Когда врач рекомендует женщине избегать половых сношений, она должна спросить — почему. Может быть, он имеет в виду только то, что возможная беременность чревата опасными последствиями для нее, или существует серьезный риск наследственных заболеваний для ребенка. В таком случае, чтобы избежать зачатия, заботливый партнер должен подвергнуть себя вазэктомии (купирование семявыводящего протока). Во всех других случаях единственные про-

тивопоказания — те, которые мы перечислили выше. Если «красный свет» для секса зажжен перед мужчиной, обсудите причины. Даже серьезное заболевание сердца или почек или высокое артериальное давление обычно не являются препятствием для умеренных половых сношений. Главное — воздерживаться от большого напряжения и резких движений.

Процент жертв секса гораздо выше при внебрачных половых связях: при этом происходит гораздо больше несчастных случаев с летальным исходом, чем на супружеском ложе.

Если у вас аденома предстательной железы или повышенное артериальное давление, возникает серьезная проблема, потому что некоторые лекарства, применяемые для их лечения, отрицательно влияют на потенцию, и вам придется сделать выбор, если другие лекарства не дают желаемых результатов. Не следует отказываться от половых сношений до тех пор, пока вы не получите от врача исчерпывающего объяснения и не убедитесь, что он понимает, насколько важен для вас секс (некоторые врачи все еще думают, что после пятидесяти без него можно спокойно обходиться). Хороший доктор знает, что нормальным людям сложно отказаться от половых сношений даже на короткое время, а пожилым трудно восстановить сексуальные реакции после большого перерыва. Поэтому действительно полезный и квалифицированный совет врача поможет вам сохранить половую активность и избежать дальнейшего развития болезни. Вместе с доктором вы должны найти оптимальное решение.

Некоторые люди считают: коли уж состояние их здоровья столь плачевно, лучше отказаться от секса. Но вполне вероятно, что тревога и депрессия, порождаемые запретом на половые сношения, причинят больше вреда, чем небольшая нагрузка при умеренных половых сношениях. Есть данные, подтверждающие, что полноценная половая жизнь может даже ослабить гипертонию, вызванную нервозностью.

БЕСПЛОДИЕ

Подарок — если вы не хотите детей, проклятие — если хотите. Возможные причины: у женщины не происходит овуляция: яйцеклетки не достигают матки из-за непроходимости маточных труб; различные гинекологические болезни; у мужчины недостаточное количество сперматозоидов. Иногда положение можно исправить. Рекомендуется обратить особое внимание на наиболее благоприятные для зачатия периоды, подвергнуться операции, принимать гормоны, но необходимо обязательно проконсультироваться с квалифицированным специалистом, причем идти к нему должны оба партнера.

Иногда, по-видимому, помешать зачатию может состояние тревоги. Слишком частая эякуляция уменьшает количество сперматозоидов, поэтому умерьте свой сексуальный пыл. Теплая одежда, плотно облегающая мошонку, может лишить жизнеспособности сперму, которая образуется при температуре ниже температуры тела. Оргазм у женщины — еще не гарантия зачатия. Иногда, даже через несколько лет, то ли в результате лечения, то ли от изменения образа жизни, женщина избавляется от бесплодия. Трудно поддается лечению такое устойчивое нарушение, как недостаточное число сперматозоидов у мужчины, но можно собрать его сперму и произвести искусственное осеменение. Недостаточная оплодотворяющая способность спермы не имеет ничего общего с мужской половой силой, о которой судят по его активности в сексе. Не считайте себя бесплодной, если это не доказано, и проявляйте осторожность, когда прекращаете принимать противозачаточные таблетки в период менструации. Некоторые женщины добровольно обрекают себя на бесплодие.

ОЖИРЕНИЕ

Тучные люди в нашем обществе считаются некрасивыми. Мы знаем одну семью, где за красивой, но полной дочерью ухаживают только молодые люди с Ближнего Востока — там мода на таких женщин. Женщины, изображенные Ренуаром, в обнаженном виде выглядят идеально для секса, но, если их одеть, они покажутся слишком полными.

У нас не понимают, что излишний вес мужчины становится иногда причиной импотенции. Если ни это обстоятельство, ни внешний вид вас не волнуют, то вам все равно придется заняться своим весом, хотя бы в целях сохранения здоровья. У английского короля Эдуарда VII было специальное ложе, напоминавшее гинекологическое кресло, которое предназначалось для того, чтобы он мог «попасть в цель», совершая половой акт. Большинству полных мужчин удается совершать половой акт в позиции, когда женщина сидит верхом, раздвинув ноги, лицом к партнеру или отвернувшись. Если и так не получается, ложитесь на спину на край кровати, опустив ноги на пол, а женщина пусть встанет над вами, обхватив вас ногами. Слишком тяжелый мужчина — это большая проблема. Клеопатра могла сказать: «О, счастлива лошадь, несущая Антония», — а он не весил и 200 фунтов.

Франсуа фон БАЙРОС. Сад Афродиты. Воспоминание. 1907

Словом, если у вас слишком большой вес, постарайтесь сбросить его. Это относится и к мужчинам и к женщинам. В то же время современные девушки, хотя они и гибкие, по сексуальным нормам прошлого недостаточно полны, особенно для половых сношений на жесткой поверхности в позиции мужчина сзади.

(Продолжение следует)

ИЗ ДАЛЕКОГО ПРОШЛОГО

МАРЦИАЛ

ЭПИГРАММЫ

❤

Языком развязным ты о распутстве
Прочитал мне, Сабел, стихи такие,
Что ни Дидима девкам не знакомы,
Ни игривым листкам Элефантиды.
Новых способов здесь много любовных,
На какие идут развратник наглый
И пожившие люди втихомолку:
Как сплестись пятерым в одном объятьи,
Как цепью единой сцепиться многим,
Погасив перед тем светильник.
Только стоит ли это красноречья?

❤

Любишь пронзенным ты быть, но,
пронзенный, Папил, ты ноешь.
Что же, коль это сбылось, Папил, тебе горевать?
Зуда тебе непристойного жаль? Иль, скорее, ты плачешь
Горько о том, что хотел, Папил, пронзенным ты быть?

❤

Если лицо у тебя опорочить и женщине трудно,
Если изъянов нигде нету на теле твоем,
Что вожделеют к тебе и вновь возвращаются редко,
Удивлена ты? Порок, Галла, немалый в тебе:
Лишь я за дело примусь и мы вместе двигаем чресла,
Твой не молчит передок, ну а сама ты молчишь.
Боги! О, если бы ты говорила, а он бы умолкнул:
Не выношу стрекотни я передка твоего.
Лучше уж ветры пускай! Утверждает Симмах, что это
Небесполезно, и нам может быть очень смешно.
Цоканье кто ж стерпеть передка ошалелого может?
Никнет при звуке его уд и головка у всех.
Что-нибудь ты говори, заглуши передок свой крикливый
Иль, коль совсем ты нема, им говорить научись.

❤

Прежний Авфидиин муж, Сцевин, любовником стал ты,
Твой же соперник теперь сделался мужем ее.
Чем же чужая жена для тебя твоей собственной лучше?
Иль ты не можешь любить, если опасности нет?

❤

Хочешь ты даром любви, уродиной будучи старой?
Право, потеха: давать хочешь, не дав ничего.

❤

Дай ты ей два золотых, и Галлою ты овладеешь.
Если же вдвое ей дать, можно и больше иметь.
Десять зачем же, Эсхил, монет золотых ей вручаешь?
Столько давать за язык Галле? — Да нет: за молчок.

❤

Хочешь, Савфейя, ты спать со мною, но мыться не хочешь.
Подозреваю, что в этом что-то неладное есть:
Иль у тебя, может быть, отвислые, дряблые груди,
Иль ты боишься открыть голый в морщинах живот,
Иль непомерно твоих растерзанных чресел зиянье,
Или же там у тебя что-нибудь слишком торчит.

❤

Это, однако, все вздор: ты, наверно, прекрасна нагая.
Худший порок у тебя: дура набитая ты.

* Марк Валерий Марциал — поэт из о-очень далекого прошлого, живший и творивший в Древнем Риме в первом веке нашей эры. Оставил после себя 15 сборников эпиграмм, преимущественно сатирических, и нередко — не весьма пристойных. Настоящая подборка составлена из стихотворений, изъятых «целомудренной» советской цензурой из наиболее полного издания Марциала на русском языке (1968). И пусть читателя не смущает обилие назнакомых имен — важен ведь не «антураж», а суть!

Лоренцо БАРТОЛИНИ (1770—1850). Нимфа, ужаленная скорионом

❤

С мальчиком нас захватив, ты, жена, беспощадно бранишься
И говоришь, что его можешь ты мне заменить.
Сколько твердила о том шалуну-громовержцу Юнона!
Но продолжает лежать он с Ганимедом своим.
Гила герой Геркулес сгибал, позабывши о луке, —
А у Мегеры, скажи, нечего было сгибать?
Дафна-беглянка совсем замучила Феба, но все же
Мальчик Эбалий ему страсти огонь потушил.
И хоть Брисенда во всем покорялась внуку Эака,
Друг безбородый его все же был ближе ему.
Брось же, прошу я тебя, ты мужское смешивать с женским
И убедись, что жена может лишь женщиной быть.

❤

Поиздевайся над тем, кто тебя обзывает миньоном,
И покажи ты ему кукиш за это, Секстил.
И мужеложником ты не бывал, да и бабником тоже,
И к Ветустиллы губам жарким не тянет тебя.
В этом отнюдь ты, Секстил, не повинен. Но кто же тогда ты?
Мне невдомек, но ведь еще две возможности есть.

❤

Так как мне говорили, что с миньоном
Любит Павла моя тайком видаться,
Подстерег я их, Луп. То не миньон был.

❤

Дверь отворивши, Амил, ты сжимаешь в объятьях подростков,
Страстно стремясь к тому, чтобы накрыли тебя,
Чтобы отпущенник, раб отцовский, клиент говорливый
Не осрамили тебя, злостные сплетни пустив.
Тот, кто не хочет, Амил, прослыть миньоном, частенько
Делает то, что тайком делать удобней ему.

❤

Гонишься ты — я бегу; ты бежишь — я гонюсь за тобою,
Дидим. Не хочешь — хочу я; хочешь ты — я не хочу.

❤

Тридцать юнцов у тебя и ровно столько же девок,
Член же один, да и то дряблый. Что ж делать тебе?

❤

Только ты скажешь, Гедил: «Спеши, я кончаю!» — и тотчас
Слабеет и затухает во мне любовная страсть.
Лучше вели подождать: обуздаешь — резвее пойду я.
Если, Гедил, ты спешишь, требуй, чтоб я не спешил.

❤

Уд твой так же велик, как и нос твой, Папил, огромен,
Так что, когда он встает, можешь понюхать его.

❤

Всякий раз, как Марулла член стоящий
Взвесит пальцами, скажет она, подсчитавши,
Сколько фунтов в нем, скрупулов и гранов.
А когда он, свое покончив дело,
Словно дряблый ремень висит, Марулла
Скажет точно, насколько стал он легче.
Лучше всяких весов рука Маруллы!

❤

Невии я написал. Нет ответа. Не даст она, значит.
Но ведь наверно прочла, что я писал. Значит, даст.

❤

Всем ты, Таида, даешь, но, коль этого ты не стыдишься,
Право, Таида, стыдись все, что угодно, давать.

❤

Член, блудодей, чересчур многим известный девицам,
Линов, — больше уже не стоит. Язык, берегись!

❤

Вдруг от удара с небес язык твой во время лизанья
Сразу отнялся. Теперь будешь как все ты, Зоил.

❤

Лесбия, рот осквернив, воду ты пьешь. Это похвально:
Ты промываешь себе, Лесбия, нужную часть.

Перевод с латинского Федора ПЕТРОВСКОГО

Альберт (Бертель) ТОРВАЛЬДСЕН. Ганимед. 1817

Инна ГОНЧАРОВА

ПОСЛЕДНИЙ РОМАНТИК

Эндрю любил смотреть на звезды. Ночью, когда Френсис засыпала, уткнувшись носом в маленькую подушку в цветастой наволочке с трогательными клоунами, он выходил на балкон своего двухэтажного, построенного еще дедом дома и, оперевшись на белые каменные перила, увитые плющом и диким виноградом, поднимал глаза к черному звездному небу.

Ночь дышала неостывшим жаром прошедшего летнего знойного дня. Эндрю вдыхал воздух, наполненный запахами цветов в саду, и внимательно вглядывался в кусочек Вселенной, чтобы не пропустить падающую звезду. Он смотрел на звездное небо почти каждый вечер, но так ни разу ему не удалось увидеть, как падает звезда, и загадать желание.

Френсис во сне пыталась нащупать тело мужа рядом с собой, чтобы обнять и прижаться. Эндрю видел, как она ворочается, как пробегает по ее лицу тень недовольства, как она в изнеможении откидывается на подушку с клоунами и продолжает дальше крепко и сладко спать.

Эндрю в последний раз посмотрел на небо и вошел в дом, прикрыв за собой балконную дверь.

Он лег рядом с женой, и она тут же, не просыпаясь, придвинулась к нему и прижалась своим горячим обнаженным телом к его освеженному ночным воздухом телу и что-то промурлыкала от удовольствия. Эндрю нежно обнял жену за плечи и поцеловал ее волосы. Потом закрыл глаза и попробовал уснуть.

Но сон не приходил. Эндрю тихонько высвободился из объятий жены и поднялся наверх в кабинет, где хранил в баре запасы джина, виски и прочих крепких напитков.

Он с любовью посмотрел на коллекцию бутылок с разноцветными этикетками, привезенных из разных стран мира им самим, раздумывая, чего бы ему выпить. Наконец взял бутылку с джином, налил себе в стакан и разбавил тоником. Влага с громким бульканьем наполнила емкость. Эндрю выпил залпом и налил еще.

Сегодня ровно десять лет, как он расстался с Марго. И с того самого дня он каждый день выходит на балкон смотреть на таинственно мерцающие звезды и пытается увидеть свою единственную звезду.

Марго была маленькой нескладной пятнадцатилетней девочкой, когда Эндрю впервые увидел ее. Она была какой-то родственницей первой жены отца — в общем, седьмая вода на киселе — и приехала немного погостить в разгар летних каникул. Эндрю был тогда уже студентом университета. Он показывал ей окрестности, читал стихи, свои и чужие, пел песни, тоже свои и чужие. Рассказывал разные забавные истории, и она искренне и звонко смеялась — то ли над ними, то ли над ним, теперь уже не поймешь.

Через год она приехала уже совсем другой — высокая, с густыми рыжими волосами, закрученными в тугой тяжелый узел, и черными стрелками бровей над безумно-зелеными глазами, в которых отражался весь мир.

Эндрю увидел ее и влюбился, в первый и в последний раз в жизни.

Марго имела над ним потрясающую власть. Он не мог противостоять ни ее повелительному голосу, не терпящему возражений, ни взгляду ее колдовских глаз, ни легкому прикосновению длинных изящных пальцев. Да он и не пытался освободиться от этого волнующего наваждения.

А Марго не любила его. Она не любила никого, кроме себя и своего внутреннего мира, действительно богатого, но не многогранного. Она была самодостаточна и именно своей самодостаточностью привлекала и покоряла всех без разбора лиц мужского пола, которые встречались ей на еще недолгом жизненном пути. Она была сама по себе и сама в себе.

Когда Марго поднимала глаза, в них не было ничего, кроме усталости — усталости от этих надоедливых мужчин, копошащихся вокруг нее, как навозные жуки, от звенящего смеха немногочисленных подружек и от себя самой, от своей самодостаточности.

Эндрю один из всех не потворствовал замкнутости Марго и пытался втянуть ее в бурлящий и волнующий водоворот жизни. Он таскал ее за собой на все вечеринки, университетские и городские дискотеки, в кино и театры. Марго каждый раз вяло сопротивлялась, но после нескольких веселых доводов Эндрю сдавалась на милость победителя и могла выпить несколько порций джина с тоником или виски, а иногда даже неразбавленной русской водки, — правда, моментально пьянея.

Эндрю любил Марго глубоко и безнадежно, и она знала об этой любви еще до того, как он тихо произнес сакраментальную фразу при звездах:

— Я люблю тебя, Марго, я люблю тебя.

Марго только грустно пожала плечами в ответ на эти слова.

Эндрю пустился в загул. Он был красивым высоким брюнетом и нравился женщинам. Его остроумия было достаточно, чтобы покорить любую из них. И он покорял всех женщин, которые попадались на его пути. Эндрю обнимал женские тела, не пытаясь заглянуть в душу их обладательниц.

Крепость Марго оставалась неприступной не только для Эндрю, но и для всех мужчин.

Множество раз Эндрю имел возможность сделать Марго женщиной, когда привозил ее полупьяную к себе домой, но всегда в последний момент его останавливала мысль, что он увидит утром безмолвный укор в ее зеленых глазах.

И, в конце концов, в жизни Эндрю появилась Френсис, невысокая, изящная, симпатичная, с копной таких же рыжих, как у Марго, волос, но с серо-голубыми глазами, весело и задорно смотрящими только вперед.

И тогда Марго заволновалась.

Она ничего не говорила Эндрю, но он чувствовал, что Марго неприятны его долгие прогулки под луной с Френсис, оканчивающиеся, как и предполагала Марго, страстными объятиями на влажной от росы траве.

Френсис забеременела, и они с Эндрю поженились. Весной у них родился сын Энтони.

Однажды Эндрю застал Марго стоящей возле кроватки новорожденного Энтони. Взгляд зеленых глаз был полон слез и... ненависти. Испугавшись, Эндрю подошел ближе. Марго обернулась. Слез уже не было, но ненависть по-прежнему сквозила из-под густых черных ресниц.

— Марго, тебе лучше уехать, — сказал Эндрю, ничего не объясняя.

— Да, конечно, — только и прозвучало в ответ.

На следующий день он отвез Марго в аэропорт и больше никогда ее не видел...

Эндрю допил свой джин.

— Эндрю! — послышался из-за двери голос Френсис. — Ты что здесь делаешь?

Эндрю пошел жене навстречу.

— Все в порядке, дорогая. Иди спать.

Френсис, по-прежнему изящная и маленькая, как девочка, зевнула и, ни о чем больше не спрашивая, спустилась в спальню. Она знала, что бывают минуты, когда Эндрю лучше не трогать. Увидев в руках мужа стакан с джином, она поняла, что сейчас именно такая минута.

Эндрю вздохнул и снова вышел на балкон.

Уже стало прохладнее — воздух остыл, освободился от остатков зноя.

Эндрю в который раз тоскливо и безнадежно посмотрел на небо.

И вдруг он увидел падающую звезду. Она только что сорвалась со своей орбиты и медленно падала по небосклону в бездну. И Эндрю успел загадать желание. Протянув руки к небу, он тихо прошептал:

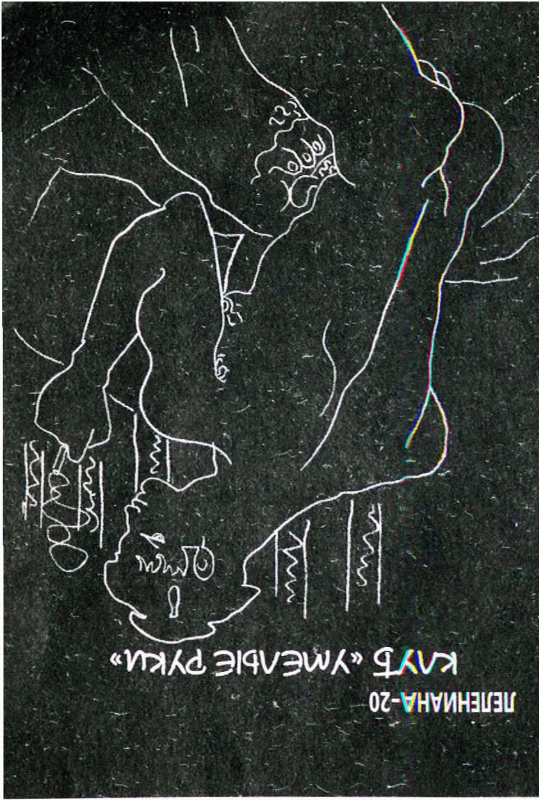
— Пусть Она будет счастлива...

— Давай еще быстрее — как экспресс!
Вдруг слышат, с верхней полки: кап, кап...
— Что это? — спрашивает молодой муж.
— Да это я вас на ручной дрезине догоняю, — отвечает попутчик.

Встречаются два онаниста.
— Ты на кого дрочишь?
— Есть у меня одна картина. Куда там Джине Лолобриджиде!
— Слушай, покажи!
— Ну-у, пошли...
Приходят.
— Показывай свою красавицу.
— Да вот же она, на стенке.
— ... Ну и дурак ты! Это же... Ломоносов!

1937 год. НКВД забирает она-

лечь вместе. Воувоу все отказывался и отказывался. А Кау уже не в силах был побороть желание. И вот он сказал, что готов жениться.
Прошло несколько дней, и Кау неожиданно пришел в дом, где остановился благородный Воувоу. Вождь этот по-прежнему был в облике женщины, сидел и плел циновку. Кау принялся ласкать Воувоу, и казалось, что Воувоу тоже сгорает от желания. А тем временем Воувоу стал потихоньку возбуждать свой член. Когда Кау собирался овладеть предметом своих желаний, их члены встретились. Пристыженный Кау бросился бежать. Воувоу пустился за ним следом, поймал его и стал требовать соития. Кау все думал отмолчаться, и тогда Воувоу схватил его член,

Жан КОКТО. Иллюстрации к роману Жана Жене «Ссора в Бресте». 1947

Собрание «Лель-ревю», 1998.

торое из любого старика сделает секс-гиганта. Примите три этих драже, по одному на каждую даму, и вы останетесь довольны.
Полный счастья, Петер покупает снадобье. На следующий день он из последних сил доползает до аптеки и тяжело падает на прилавок. Аптекарь спрашивает:
— Ну, все в порядке?
— Еще бы! Сегодня мне нужно самое сильное болеутоляющее, которое у вас найдется.
— Наверняка против болей в паху и почках?
— Нет, у меня правая рука ужасно болит. Дело в том, что из трех девчонок не пришла ни одна!

Сидит отец возле стола, какое-то дело правит, слышит: Ванька на печи что-то больно сопит да возится. Глянул — сынок-то дро-

чит во всю ивановскую, ажно вспотел. Крякнул тут батя: вырос битюг, бабу надоть!
— Ты, — говорит, — Ваня, чем дрочить, лучше бы етись учился, все равно пригодится, как женишься. На вот тебе рублик, пойди девку найди, чтоб дала да научила.
Бежит Ванька по деревне, рублем размахивает. Манька навстречу:
— Вань, ты куда? Каку покупку ищешь?
— Батяня рубль на п...у дал!
— Моей купи — у меня с мышиный глазок!
— Хэх, да я за рубль себе с шапку найду!

Квартира мясника располагалась над его магазином. Однажды ночью он проснулся от стран-

— Болван! А вдруг завтра онанисты к власти придут?

Кау из Дрекети был известен тем, что соблазнял всех женщин, проходивших мимо него. И вот однажды благородный господин Воувоу из Наивуке попросил своего духа-предка превратить его, Воувоу, в женщину. Когда это случилось, он вместе с одной женщиной из того поселка отправился в Дрекети обменяться подарками с тамошними жителями.
Кау же имел привычку выслеживать женщин, когда те купались. Итак, он увидел Воувоу во время купания, и в нем разгорелось желание. Вечером они встретились на рара во время танца, обменялись табаком, и Кау сказал, что хорошо бы им

ниста. На следующий день трибунал выносит приговор: «15 лет строгого режима за связь с кулаком и разбазаривание семенного фонда».

Заключенные обмениваются рассказами о том, кто за что сидит.
— Тебя за что арестовали?
— Занимался онанизмом.
— Разве это преступление?
— И еще какое: сказали, что разбазаривал семенной фонд страны.

Организация досуга в воинских частях: перед солдатами исполняется стриптиз. Оглушительные аплодисменты после каждой упавшей вещи. Женщина стягивает с себя последний лоскут. Мертвая тишина.

Из дневника онаниста.
«Понедельник. Работал левой рукой. Кайф!
Вторник. Работал правой рукой. Вечный кайф!
Среда. Имел связь с женщиной. Слабое подобие левой руки».

Приходит мужчина к сексопатологу.
— Доктор, у меня жена красавица!
— Да? Очень интересно.
— У меня любовница — секс-бомба!
— Любопытно!
— У меня вторая любовница — манекенщица.
— Да, и что же?
— Доктор, помогите: отучите от онанизма!

— Да я не тебя спрашиваю! — говорит милиционер.
— По любви, — отвечает женский голос.
Милиционер продолжает свой обход. Слышит — в другом месте тоже кусты шевелятся.
— По любви? — спрашивает милиционер.
— По любви, — отвечает мужской голос.
— Да я не тебя спрашиваю!
— По любви, — отвечает другой мужской голос.
Милиционер снова двинулся в путь. Снова кусты шевельнулись.
— По любви? — спрашивает милиционер.
— По любви, — следует ответ.
— Да я не тебя спрашиваю!
— А я здесь один!

стал возбуждать его и так довершил дело. Кау убежал к себе посрамленный и с тех пор больше никогда не соблазнял женщин.

Идет парень по берегу, видит — лежит мужик и член дрочит.
— Ты чего это делаешь?
— Бабу трахаю.
— А где баба-то?
— Да вон там на берегу загорает.
— Как же ты ее трахаешь: она там, а ты здесь?
— А я приблизительно.

Ночью по парку идет дежурный милиционер. Услышал, что в кустах кто-то шевелится, подошел:
— Вы там по любви?
— По любви, — отвечает из кустов мужской голос.

Три туриста просыпаются утром в палатке. Один говорит:
— Мне приснилось, что всю ночь кто-то дергал меня за член.
— Ой, и мне тоже!
Тот, что лежал посередине, сказал:
— А мне снилось, что я всю ночь катался на лыжах.

— **Ч**то-то меня Гондурас беспокоит.
— А я тебе сколько раз говорила, чтобы не трогал его руками.

В трехместном купе едут новобрачные. Ночью, думая, что сосед на верхней полке уснул, они решили заняться любовью.
— Быстрее! — просит молодая жена. — Давай, как скорый поезд!
Через некоторое время:

— Я вам что, не нравлюсь?
— Киска, — пыхтят солдаты, — одной рукой неудобно хлопать...

Идет премьера в музыкальном театре. В партере — десять человек. Главный режиссер в первом ряду сидит, схватившись за голову, — полный провал. Вскоре поднимает голову и видит: молодой человек занимается онанизмом. Режиссер обращается к нему:
— Молодой человек! Кто вам руку ставил? Свободнее... свободнее... от себя, от себя...

Клуб «Умелые руки». Из-за двери доносится голос:
— Не так быстро, спокойнее!.. А теперь — смените руку!

Маленький Буратино прибегает к Папе Карло:

А там и его дружок поднялся — он его на смену. Но не тут-то было.
— Нет, Джон! — запротестовала любовница. — Ты палец вынь, а давай тем, чем начал!

В сельскую библиотеку пришла брошюра по онанизму.
— В какой же раздел ее поставить? — задумалась заведующая.— Ага — в «Умелые руки»!

Муж не справляется со своими супружескими обязанностями. Жена посылает его к врачу.
— Ну что? — спрашивает жена после визита.
— Много расспрашивал о моем прошлом. Особенно интересовался, не был ли я онанистом. Я ему, конечно, сказал, что всегда был только коммунистом.

ных звуков, доносившихся снизу. На цыпочках он прокрался в магазин и увидел, что его девятнадцатилетняя дочь сидит там на разделочном столе и мастурбирует куском ливерной колбасы. Он вздохнул и на цыпочках вернулся в постель. На следующее утро одна покупательница, пришедшая в магазин, попросила ливерной колбасы. Мясник сказал, что ливерной колбасы у него нет. Женщина рассердилась:
— Как это нет? А что висит вон там, на крючке?
Мясник насупился.
— Это мой зять, мадам, — ответил он.

Пришел джентльмен к любовнице. Дошло дело до постели, а член не встает. Он назаметно взял кусок колбасы — и за работу.

— Папа Карло, мне Мальвина не дает, говорит, что у меня эта штучка шершавая.
— Ну, не беда, мой мальчик, сейчас мы тебе ее шкуркой потрем — и все будет в порядке.
Потер шкуркой.
— Знаешь что, Папа Карло, ну ее на фиг, эту Мальвину, потрика еще раз шкуркой.

К аптекарю за помощью обращается Петер:
— Мне очень неудобно, но так вышло, что я договорился сегодня с тремя девушками одновременно. Мне ничего не остается, как справляться с красотками по очереди. Есть у вас какое-нибудь средство, чтобы меня хватило на всех?
— К счастью, я сегодня получил партию нового супердраже, ко-

РАФАЭЛЬ. Сикстинская мадонна. 1545—1549

Елена ЦЫМБУРСКАЯ

«ГРУППЕНСЕКС»

Третьего января я проснулась, как всегда, в семь часов утра. Быстро вымылась под душем, привела себя в порядок и вышла на улицу. Было тихо-тихо. За ночь нападал снег и превратил наш двор в царство Снежной королевы. Ветви деревьев под тяжестью снега опустились, образовав сказочную аллею. «Может, сегодня повезет?» — подумалось мне, и я, обнадежившись, потопала на автобусную остановку.

Вот уже полгода по окончании иняза мне никак не удавалось найти себе работу. В некоторых фирмах на меня смотрели, как на кусок мяса, недвусмысленно намекая на «дополнительные обязанности». В некоторых требовали, кроме знания языка, свободного владения компьютером, машинописью, стенографией. Чисто переводческой работы просто не было. Никакая фирма не могла себе позволить держать штатного переводчика, если таковой им требовался, может, раз или два в неделю. Нужно было осваивать дополнительные специальности, идти на компьютерные курсы или устраиваться учителем в школу, что было для меня равносильно самоубийству.

Вы не знаете современных школьников? А я знаю. Проходила практику в средней школе. Лучше сразу застрелиться и не мучиться. «Ну хорошо, допустим, курсы, а где на них взять денег?» — спрашивала я себя. Родители — пенсионеры, и так все время жалуются, что всю пенсию должны отдавать на квартплату. Мама бегает за мной по пятам выключает свет. Папа ходит по утрам к приятелю в газетный киоск брать «напрокат» газеты, а после обеда их возвращает. Сидим на хлебе и на кефире. Тоска, в общем. «А вдруг сегодня повезет с работой?» — думалось мне.

Но и в этот день с работой мне тоже не повезло. Зато в центре, в подземном переходе, я встретила свою однокурсницу Наташку — бесшабашную и напористую девицу.

— Леська, ты? — зашумела она. — Привет! Ух, как я замерзла! Пошли в кафешку, угощаю!

— Да что-то настроения нет...

— А кто тебя спрашивает о настроении, мямля? Говорят тебе — идем, и все тут!

Ну разве от Наташки отвертишься? Она и мертвого уговорит. Характерец еще тот! Уверена, что уж она точно работу себе нашла.

В кафе было полутемно и накурено. Но зато тепло. Мы уселись за свободный столик, и Наташка, заказав сосиски, кофе и пирожные, стала меня допрашивать. Ей надо было не иняз, а юрфак заканчивать. Ну я, конечно, не преминула поплакаться: так, мол, и так, терплю бедствие.

— Значит, загвоздка в том, чтобы заработать на курсы? — подвела итог Наташка.

— Вот именно.

— Записывай телефончик: 299-17-33, фирма «Кристина», директор — Петр Максимович, заместитель — Владлен Константинович. А теперь слушай, что нужно делать. Только не краснеи, не падай в обморок и не перебивай. То, что я тебе расскажу, — это фантастика!

Когда летом я начала искать работу, мне попалась эта фирма. Прихожу, встречает меня директор, Петр Максимович, и говорит:

«Да, нам нужен переводчик. Завтра встреча с англичанами. Приходите ровно в десять, посмотрим, как вы работаете».

Ну, я обрадовалась, — продолжала Наташка. — Навела марафет и на следующий день, ровно в десять, явилась, что называется, по высшему разряду. Приехали англичане. Зам — Владлен Константинович — и говорит:

«Наташенька, переговоры будем проводить в другом офисе, в неофициальной обстановке. Возьмите у секретаря блокнот и ручку и садитесь в машину».

Фото PLAYBOY

Привозят нас в другой конец города на квартиру, такая себе шикарно обставленная двухкомнатная квартирка. Тут же домработница кофе подает, а в другой комнате вижу уже накрытый стол. Провели переговоры, все чин чином. Я мило улыбаюсь англичанам, они мне. Каждая из сторон пожелала уточнить детали и документы подписать на следующий день. Тут мои работодатели пригласили их на украинский обед. Англичане отнекивались, но потом соблазнились национальной кухней. Шеф и зам за обедом сумели основательно поднакачать гостей, и через несколько часов машина увезла их в бессознательном состоянии в гостиницу.

«Это так, Наташенька, чтобы у них не было времени до завтра уточнять детали, — пошутил Петр Максимович. — Ты не волнуйся, — добавил он. — Сейчас и мы поедем. Мне пришлось одну машину отправить по делам. А Женя мигом отвезет англичан и вернется за нами. Пока же предлагаю отметить твой первый рабочий день. Ведь так, Владлен Константинович, берем Наташеньку? Чудная девушка, умница! Хорошо справилась».

«Наташенька — это просто клад для нас!» — поддакнул зам, наливая мне шампанского.

— Леська, представь себе, как у меня отвисли уши! Респектабельная фирма, иностранцы... Единственное меня смутило — то, что я, выходя в туалет, не обнаружила домработницы.

Когда я вернулась в комнату, Петр Максимович был уже без пиджака — такой себе начинающий лысеть и жиреть простоватый пятидесятилетний мужик, похожий на партработника. Владлен же — такая интеллигентная умненькая обаялочка в очках. Высокий, худощавый, выбритый, вымытый, наодеколоненный, во французском костюме, лет тридцати пяти. Они уже включили легкую музыку и тихо о чем-то переговаривались. И, что мне совсем не понравилось, шторы были плотно сдвинуты. Но что было делать — броситься раздвигать их?

И тут Владлен пригласил меня потанцевать, предварительно предложив еще бокал шампанского. Я и без того была уже немного «вставленная», так что решила отказаться.

«Ну, Наташенька! — уговаривал Владлен. — На брудершафт. Пора уже перейти на «ты». — Они-то с самого начала были со мной на «ты».

Отказываться было неудобно, как-никак мои начальники. Выпила с Владленом. Потом с тем же самым пристал шеф. Выпила и с ним. В голове начало изрядно кружиться. Теперь я уже танцевала с Петром Максимовичем. Потом мы опять за что-то пили и танцевали уже втроем. При этом каждый из них целовал мне ручки.

«Когда же за нами Женя приедет?» — спросила я после очередного тоста.

«Сейчас свяжусь». — И шеф набрал номер на мобильнике.

Не знаю, кто ему отвечал и отвечали ли вообще, но в конце разговора он сказал:

«Уже на подходе? Хорошо, ждем... — И обернулся к заму: — Ну что, «на коня», Владлен?»

«На коня», Петр Максимович».

Они разлили по стаканам оставшийся коньяк. Мне пришлось поддержать тост, отчего меня изрядно развезло, и я присела на диван. Тут же рядом по обеим сторонам от меня опустились Владлен и Петр Максимович.

«Что, Наташенька, устала?» — по-отечески поинтересовался шеф, дохнув на меня коньячными испарениями, и погладил по голове.

«Есть немножко, Петр Максимович», — ответила я.

«Ну, ничего, сейчас подбросим тебя под самый дом...»

Он взял мою руку в свою. То же самое проделал Владлен. Они поглаживали мне руки, потом стали поглаживать коленки. Я захотела встать, но они меня слегка придержали плечами, а вырываться у меня просто не хватало сил. Я была пьяна. Сценарий был тщательно продуман и разыгран как по нотам. Целуя мне руки, ноги, они оба меня молниеносно раздели. Я закрыла глаза, предпочитая ничего не видеть. Дергаться,

кричать, бежать было бесполезно.

«Наташенька! — шепотом приговаривал Петр Максимович. — Ну неужели тебе никогда не снилось, что ты в постели с несколькими мужчинами, или ты никогда не мечтала об этом? Попробуй, как это хорошо. Тебе понравится...»

Мне хотелось плюнуть ему в рожу. То, что они со мной делали, как понимаешь, понравиться мне никак не могло. Во-первых, они мне внешне не нравились; во-вторых, я была пьяна и ни фига не чувствовала. И все это было грязно. Все мои нервные окончания были заторможены, поэтому и стыдно не было. Хотя подобное происходило со мной впервые...

Тут Наташка сделала передышку и заказала два кампари с соком. Я же от этого рассказа уже вспотела и даже забыла, что именно в эту фирму меня направляла Наташка.

— Ну, слушай дальше! Самое смешное, что во время этого «группенсекса» шеф давал команды заму, что со мной нужно делать и как. И тот их выполнял. «Хорошо, Петр Максимович, да, так будет лучше», — выдавливал он из себя голосом, искаженным похотью. А шеф продолжал руководить: «Теперь я так, а ты с этой стороны заходи!» — «Хорошо, Петр Максимович, понял». Это было до того уморительно, что я начала ржать. Эти голые придурки и тут придерживались субординации. Жалкие людишки! Наконец они, запыхавшись, «отработали», а я протрезвела и открыла глаза как раз в тот момент, когда они снимали с себя презервативы. Слава Богу, из трусливых...

«Ну что ж, ребята, — нагло объявила я. — Сами раздели, теперь сами потрудитесь и одеть меня».

Разбираясь в полутьме, где чье исподнее, и заискивающе улыбаясь, они одели меня. Потом оделись сами и, наконец, включили свет. Потом каждый из них вытащил из бумажника по сто баксов, и шеф, протянув мне деньги, сказал:

«Это, Наташенька, за первый рабочий день».

«И за последний», — добавила я, взяв деньги и засунув их в сумочку. «Слизняки, дебилы, кретины!» — хотелось мне бросить им в лицо, но нужно было сперва доехать до дома. Мы вышли из подъезда, машина уже давно нас ожидала. Так я заработала свои первые двести баксов как «переводчица». Клево, а?..

— Ну, Натаха, ты даешь! — выдохнула я. — Но скажи, пожалуйста, зачем ты дала мне номер телефона этой фирмы?

— Слушай, подруга, а кому нужны деньги на курсы? Мне, что ли?

— Да ты в своем уме?

— Лесенька, нужда заставит — пойдешь, — ласково похлопала меня по плечу Наташка. — Меня она не заставляла, я просто «влипла». А ты пойдешь сознательно.

— Ни за что!

— Мое дело предложить, твое — отказаться.

— Нат, да у меня с одним ничего не получается, руки-ноги трясутся и тело становится деревянным от страха, а то с двумя!

— А тебе ничего делать и не надо. Они сами все сделают. Главное тебе — хорошенько напиться и в конце не забыть получить расчет за первый рабочий день, поняла?

— Нет, я не смогу. Меня же стошнит.

— Стошнит — вырвешь. Пусть тебя потом обмывают.

— Нат, это же как проституция.

— Лесь, вся жизнь наша бабская — проституция. Даже с мужем, когда перестаешь его любить.

— Нет, я не смогу... — Слезы навернулись мне на глаза.

— Лесь, ну никто же тебя не заставляет этого делать, глупенькая, — успокаивала меня Наташка. — Я тебе просто дала рецепт, а воспользуешься ты им или нет, это твое дело. Ну ладно, разбежались, мой обеденный перерыв закончился.

— А ты где работаешь?

— Потом расскажу, в следующий раз. — Воздушная, как всегда, элегантная Наташка легким шагом манекенщицы вышла из кафе и, обернувшись, помахала мне рукой.

В начале февраля я уже занималась на курсах по работе с компьютером.

ЕГО РУКОЙ ВОДИЛ ПУШКИН?

Корреспондентка «новорусского» московского журнала «Пушкин» взяла в Санкт-Петербурге интервью у пенсионера Николая Николаевича (фамилия его «науке неизвестна»). Н.Н. заявил, что именно он написал нашумевшие «Тайные записки 1836—1837 годов»*, приписываемые то Александру Пушкину, то издателю Михаилу Армалинскому. Н.Н. намерен отстаивать свои авторские права в суде, хоть и признает, что все доказательства своего авторства уничтожил, опасаясь репрессий со стороны коммунистических властей.

Об истории создания «ТЗ» Н.Н. рассказал следующее. С 1950 года он работал учителем физкультуры в средних школах и занимался преимущественно с девочками-старшеклассницами. Во время занятий испытывал «нечеловеческое» сексуальное напряжение. Познакомившись с трудами З.Фрейда, решил сублимировать это напряжение в художественное творчество. Вдобавок «... меня увлекала загадка дуэли и смерти Пушкина... Я задумал свои эротические фантазии совместить с любовью к Пушкину». Вжившись в образ, Н.Н. ощутил, что его рукой водит Пушкин. «Если кто не понимает внутренней сексуальности Пушкина, тому в его творчестве вообще ничего не откроется. Я ведь, знаете, потом написал еще отрывок в таком уже научно-фрейдистском духе — о страхе кастрации, который у Пушкина проявляется везде». Когда Н.Н. дописал «ТЗ», книга стала буквально жечь ему руки. Решив, что он обязан познакомить с книгой читателей, Н.Н. в 1976 году познакомился с М.Армалинским, получившим разрешение уехать на Запад. Назвавшись Николаем Павловичем (в честь императора, современника Пушкина), Н.Н. передал Армалинскому рукопись («но, может быть, это и не тот молодой человек, фамилия другая все-таки у того была»). М.Армалинский, издавший книгу в США, «утверждает, что это — настоящий дневник Пушкина, но публично не отрекается, когда ему приписывают авторство. У меня все его книги есть, я вам докажу, что это совсем разные стили. Я в Пушкинский дом ходил, там меня поддержали».

Ознакомившись со статьей в журнале «Пушкин», М. Армалинский заявил: «Начинается плетение легенд»...

Юрий Свириденко

* *Фрагмент «Тайных записок А.С. Пушкина» с предисловием М.Армалинского был опубликован в украинском переводе в «Лель-ревю» № 5 за 1995 г.*

СТАРЫЕ ПЕСНИ О ГЛАВНОМ

...И РАННЕЙ ПОРОЙ МЕЛЬКНЕТ ЗА КОРМОЙ ЗНАКОМЫЙ БРАТОК ГОЛУБОЙ...

Рассказ

Х удожник Новалис только-только женился на Марии — испанке, в которую он влюбился потому, что она была похожа на его любимейшую картину — «Обнаженную маху» Гойи.

Они поселились в Риме. Мария по-детски радостно захлопала в ладоши, когда увидела их спальню, восхищаясь роскошной венецианской мебелью с чудесной инкрустацией из жемчуга.

Анаис НИН

ОБНАЖЕННАЯ МАХА

В первую ночь, лежа на монументальной кровати, словно сделанной для супруги дожа, Мария подрагивала от удовольствия, потягиваясь на этой постели и не спеша укрыться под тонкими простынями. Розовые пальцы ее полных ножек двигались так, словно они хотели завлечь Новалиса. Но она еще ни разу не предстала перед мужем обнаженной. Во-первых, она была испанка. Во-вторых, католичка. А кроме того, она была чересчур буржуазна. По ее мнению, до начала любовных утех свет необходимо было гасить. Стоя возле кровати, Новалис, сдвинув брови, изнемогал от желания, которое он не решался высказать: он хотел увидеть ее, чтобы восхищаться ею. До сих пор он не вполне узнал ее, проведя с ней лишь несколько ночей в гостинице, в течение которых они слышали какие-то странные голоса за тонкой перегородкой. То, о чем он просил ее, было не капризом любовника, а желанием живописца, художника. Его глаза изголодались по ее красоте. Мария сопротивлялась, краснела, чуть сердилась, словно он оскорблял ее самые сокровенные чувства. «Не будь глупым, Новалис, дорогой. Иди в постель», — уговаривала она. Но он настаивал на своем. Она должна преодолеть свои буржуазные сомнения, говорил он. Искусство презирает такую скромность, человеческая красота создана для того, чтобы ее можно было созерцать во всей ее властной прелести, а не прятать и презирать.

Стараясь не причинить ей боли, он осторожно приподнял ее руки, скрещенные на груди. Она засмеялась:

— Глупый, мне щекотно. И больно.

Но постепенно его восхищение стало льстить ее женской гордости, и она сдалась, позволив обращаться с собой, как с ребенком, которого уговаривают согласиться не небольшое приятное испытание.

Тело ее, освобожденное от покровов, сияло, подобно перламутру. Мария закрыла глаза, словно хотела уплыть куда-то от стыда перед своей наготой. Вид ее грациозных форм на фоне гладких простыней растравлял взгляд художника.

— Ты очаровательная маленькая маха с картины Гойи, — сказал он.

В последующие за этим недели она не соглашалась позировать ему и не разрешала приглашать других натурщиц. Она неожиданно появлялась в его студии и болтала с ним все время, пока он работал. Однажды, когда Мария вот так вдруг вошла к нему, она увидела на постаменте для натурщиц обнаженную женщину, полуприкрытую мехами, которые позволяли видеть изгибы ее тела. Мария устроила сцену. Новалис стал умолять ее позировать, и она уступила. Во время сеанса, разомлев от жары, она уснула, и он проработал три часа непрерывно.

Без всякой стеснительности она восхитилась, увидев себя на холсте, — точно так же, как дома радовалась, стоя перед огромным зеркалом в их спальне. Ослепленная красотой собственного тела, она забыла о своей застенчивости. К тому же, чтобы никто не мог узнать его жену, Новалис нарисовал не ее лицо. Но потом Мария опять вспомнила о прежнем, вновь стала отказываться позировать и устраивала мужу сцены всякий раз, когда он приглашал натурщицу. Она стала выслеживать его, подслушивать у дверей, постоянно затевала ссоры. У нее началось беспокойство, появились необъяснимые страхи, бессонница. Доктор прописал ей таблетки, приняв которые, она погружалась в глубокий сон.

Новалис заметил, что, уснув после этих таблеток, она не слышала, как он вставал, ходил и даже переставлял что-то в комнате. Однажды утром, поднявшись рано, чтобы сразу начать работать, он смотрел на нее спящую. Она спала так глубоко, что ничто, казалось, не могло ее потревожить. И странная мысль пришла ему в голову.

Он убрал простыни, которыми она укрывалась, и медленно стал поднимать ее шелковую ночную сорочку. Теперь все ее тело было открыто, и он мог рассматривать его сколько угодно. Ее руки были раскинуты, груди словно предлагали себя. Он был возбужден, он желал ее, но не осмеливался прикоснуться к ней. Вместо этого он принес бумагу и карандаши, сел возле нее и сделал набросок. Пока он работал, у него было чувство, что он ласкал ее, касаясь всех безукоризненных изгибов ее тела. Так продолжалось два часа. Когда он заметил, что действие таблеток ослабевает, он опустил сорочку, прикрыл Марию простыней и вышел из комнаты.

Мария с удивлением наблюдала, с каким упоением работает ее муж. Он закрывался в студии на целый день, рисуя картины с тех карандашных набросков, что делал по утрам. Так он закончил несколько полотен, на которых она была всегда спящей, как в тот первый день, когда позировала ему. Марию удивила эта навязчивая тема. Она думала, что он просто повторяет в разных вариантах первую картину.

Всякий раз он писал иное лицо. А так как на лице Марии всегда было замкнутое и суровое выражение, никто из видевших его картины даже представить себе не мог, что это чувственное тело принадлежало ей. Когда Мария бодрствовала, Новалис не желал больше своей жены, замкнутое пуританское выражение лица и суровый взгляд останавливали его. И он хотел ее, только когда она спала — беззащитная, чувственная, нежная.

Он рисовал ее беспрерывно. Когда он оставался в студии один на один со своей новой картиной, то ложился на диван перед ней, и огонь пробегал по всему его телу. Глядя на грудь своей махи, на изгиб ее живота, на поросль между ногами, он остро ощущал в себе мужское волнение. Он и сам был удивлен столь сильным воздействием своих картин.

Однажды утром он стоял перед Марией, когда она спала. Он слегка раздвинул ее ноги, чтобы увидеть линию между ними. Смотря на ее вольную позу, на ее раздвинутые ноги, он взял свой фаллос, представив, будто не он, а она проделывает это с ним. Как часто он пытался взять ее ладонь и направить туда, надеясь получить от жены эту ласку, но она всегда противодействовала ему и отдергивала руку. Теперь он сам сжимал свой фаллос...

Мария вскоре поняла, что она потеряла его любовь. Не зная, как вернуть ее, она понимала теперь, что муж был влюблен в ее тело только тогда, когда рисовал его. Она уехала в деревню, чтобы провести неделю у знакомых. Но уже через несколько дней заболела и вернулась домой, чтобы показаться врачу. Когда она вошла в дом, он выглядел необитаемым. Крадучись, она подошла к двери студии. Оттуда не доносилось ни звука. Тогда она решила, что муж занят там любовью с какой-то женщиной. Медленно и бесшумно она отворила дверь. Она увидела, что на полу лежит ее изображение, а сверху ее муж, голый, с растрепанными волосами, с поднятым возбужденным фаллосом, прижимаясь к картине, истово целовал и ласкал ее. Он обладал картиной, как никогда не обладал Марией живой, реальной. Казалось, он сходил с ума. Со всех сторон его обступали картины, и всюду была она — обнаженная, чувственная, прекрасная женщина. Он страстно смотрел на картины и продолжал свои воображаемые объятия. Это была настоящая оргия страсти с женой, которой он не познал.

И тогда чувственность Марии, которую она так старательно подавляла в себе, вдруг прорвалась, и она впервые стала свободна.

Когда Мария разделась, это была совсем другая, неведомая прежде женщина: освещенная страстью, беззащитная, как на его полотнах, без капли смущения предлагала она свое тело, без малейшего колебания падала в его объятия, стараясь, чтобы муж забыл о картинах, и желая их превзойти, быть прекраснее их.

Перевод с английского

КАРЕЛ ЧАПЕК

ПОТОП

Рассказ

Франтишек Грендл, в отличие от своего однофамильца Иеронима Грендла, скончавшегося в прошлом году и, по слухам, сподобившегося высшей благодати, неплохо чувствует себя и на этом свете, судя по тому, что, обитая как раз над моим жилищем, заливает меня всякий раз, когда принимает ванну в компании с очередной потаскушкой.

Не подумайте, будто Грендл — молодец с горящими цыганскими глазами, бровями вразлет, со стальной, словно банковский сейф, грудью и прочими непременными атрибутами соблазнителя. В действительности столь тусклую, невзрачную личность не разглядеть в толпе даже в солнечный день, но женщины по нему сохнут, и я готов засвидетельствовать под присягой, что на его пятый этаж без лифта взбиралась сама пани Ростровa, та самая Яромира Ростровa, чьи откровенные изображения на глянцевых обложках журналов, коими забиты газетные киоски, воспроизводятся с единственной целью — ублажить ненасытную мужскую плоть. Можно только догадываться, что творилось в ванной комнате пана Грендла, коль скоро до позднего утра мне пришлось откачивать воду пожарным насосом.

Откровенно говоря, женщины выше моего понимания. Я дважды пытался жениться — и оба раза был осмеян, как если бы намеревался совершить нечто предосудительное, тогда как к услугам Грендла — любая и каждая. Того и жди, что на голову обрушится смытый потоком воды потолок вместе с любвеобильным соседом и его журнальными красотками. Поэтому я и предпринял попытку договориться по-доброму. Конечно, можно было бы вызвать Грендла на дуэль, но я решил дать ему шанс, памятуя, что путем полюбовных сделок и компромиссов решаются вопросы войны и мира между народами и государствами, а уж нам, малым сим, сам Бог велел. Поэтому-то, попридержав накопившееся раздражение до худших времен, я обрядился во фрачную пару, нацепил галстук-бабочку и, прихватив бутылку шампанского, отправился в лежбище пана Грендла на переговоры.

Неохотно, со скрипом, дверь приотворилась, и передо мною предстал сам Грендл в костюме... Адама. Из-за его плеча, не тая любопытства, выглядывала проказливая мордашка юной особы, как вы, наверное, догадались... да-да, в костюме Евы.

Как прикажете поступить в такой ситуации человеку моего возраста, положения и принципов? Уйти, не объяснившись? Притвориться, будто ошибся дверью? Заявить в полицию нравов? По счастью, хозяин избавил меня от необходимости столь трудного выбора. Разглядев шампанское, он засиял, как внезапно вспыхнувший уличный фонарь, воскликнул: «Милости прошу к нашему шалашу!», — а затем бесцеремонно втащил меня в прихожую и захлопнул за моей спиной дверь.

Пришлось подчиниться силе приличий и обстоятельств. Последовало взаимное представление: «Габриэлла, познакомься, это пан Вейцик, мой сосед!.. Пан Вейцик, позвольте представить

Габриэллу, почитательницу моей беспутной — ха-ха! — репутации». Пришлось поцеловать «даме» руку. В ответ она присела в книксене, точь-в-точь как застенчивая гимназистка, что навело меня на мысль о скромности, способной заменить женщине самые изысканные наряды.

Путаясь в словах, как в чужой одежде, я рассыпался в извинениях и забормотал о том, что визит мой совершенно случаен, вызван чисто техническими причинами и, по возможности, будет сведен к минимуму. Но смысл сказанного вряд ли дошел до Грендла и его подружки, разглядывавших меня так, словно я был диковинной птахой, залетевшей по недоразумению в воробьиное гнездо. Уж очень необычным показалось им мое оперение. И, тем не менее, не растерявшись, Грендл представил дело так, будто в его доме равноправие между одетыми и обнаженными гарантируется законами гостеприимства.

— Будем выше предрассудков, любезный сосед, — коротко сказал он. — Наличие или отсутствие одежд целиком зависит от убеждений индивидуума, навязывать которые ему не вправе никто. Вот и вы же не станете отрицать, что явились в наш мир не во фраке, а если и станете, то никто этому не поверит.

Убедить меня в чем угодно не составляет труда. Я и на выборах голосую за самых сомнительных кандидатов, не в силах противиться их красноречию. А потому не рискнул оспаривать очевидный факт, что родился нагим, как яйцо, а фрачную пару приобрел сравнительно недавно по случаю юбилея пана директора Стробула, впервые за годы беспорочной службы удостоившего меня приглашением на святое для каждого муниципального служащего торжество. С тех пор, пояснил я, фрак для меня нечто вроде талисмана, любая попытка посягнуть на который будет воспринята мною как личное оскорбление.

Фото PLAYBOY

Судорога смеха, непонятно чем вызванного, пробежала по тощим чреслам пана Грендла, а Габриэлла, визжа от восторга, повисла на мне, как обезьяна на лиане, нашептывая признания, никогда прежде мною не слышанные. Впервые на моей памяти красивая молодая женщина общалась со мной без видимых признаков отвращения и даже, как мне показалось, испытывая известное удовольствие. Не привыкший к столь бурному проявлению чувств, я окончательно утратил волю к сопротивлению и позволил вовлечь себя в самый пошлый, какой только можно вообразить, фарс. Уже через несколько минут мы втроем (Грендл, Габриэлла и я) оказались в ванне, при очевидной двусмысленности происходящего. Вопреки лелеемым мною принципам, я вынужден был расстаться с одеждой, кроме, разумеется, фрака, увы, уже не столь безукоризненного, как на юбилее пана директора. Одна моя рука машинально сжимала опорожненную бутылку из-под шампанского, другая — ласкала божественную грудь Габриэллы, или Габи, как она позволила мне себя называть, несмотря на бурные протесты пана Грендла.

И вот мы весело плещемся, вода перетекает через края ванны, и я, преисполненный самодовольства, представляю себе, как там, внизу, она хлещет сквозь потолочные перекрытия к вящему ужасу некоего типа с ржавой бородкой и косящими глазками. При этом его бессилие столь очевидно, что, не умея сдержать злорадства, я яростно шепчу: «Так тебе, дураку, и надо!»

Перевод с чешского Бориса Иоселевича

18–28

ВЫ ХОТИТЕ ЧИТАТЬ «ЛЕЛЬ» ВДВОЕ ЧАЩЕ ЗА ТЕ ЖЕ ДЕНЬГИ?

ПОДПИШИТЕСЬ НА «УКРАЇНСЬКИЙ ЛЕЛЬ»–99

– И ВАШЕ ЖЕЛАНИЕ ОСУЩЕСТВИТСЯ.

НАЧИНАЯ С ЯНВАРЯ,
ЖУРНАЛ БУДЕТ ВЫХОДИТЬ ЕЖЕМЕСЯЧНО,
А ЕГО ГОДОВАЯ СТОИМОСТЬ
ОСТАНЕТСЯ НЕИЗМЕННОЙ.

«ЛЕЛЬ-РЕВЮ»
БУДЕТ ВЫХОДИТЬ, КАК И НЫНЕ,
ОДИН РАЗ В ДВА МЕСЯЦА
(КАЖДЫЙ ТРЕТИЙ НОМЕР
НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ).

ПОДПИШИТЕСЬ НА «УКРАЇНСЬКИЙ ЛЕЛЬ» И «ЛЕЛЬ-РЕВЮ»,

ПОСОВЕТУЙТЕ СДЕЛАТЬ ЭТО
СВОИМ ЗНАКОМЫМ –
И ВЫ НЕ ПОЖАЛЕЕТЕ!

ПОДПИСНЫЕ ИНДЕКСЫ:
«УКРАЇНСЬКИЙ ЛЕЛЬ» – 74283;
«ЛЕЛЬ-РЕВЮ» – 74288

«ЛЕЛЬ» ДОЛЖНА ЧИТАТЬ КАЖДАЯ СЕМЬЯ, ЕСЛИ ОНА ХОЧЕТ БЫТЬ СЧАСТЛИВОЙ!